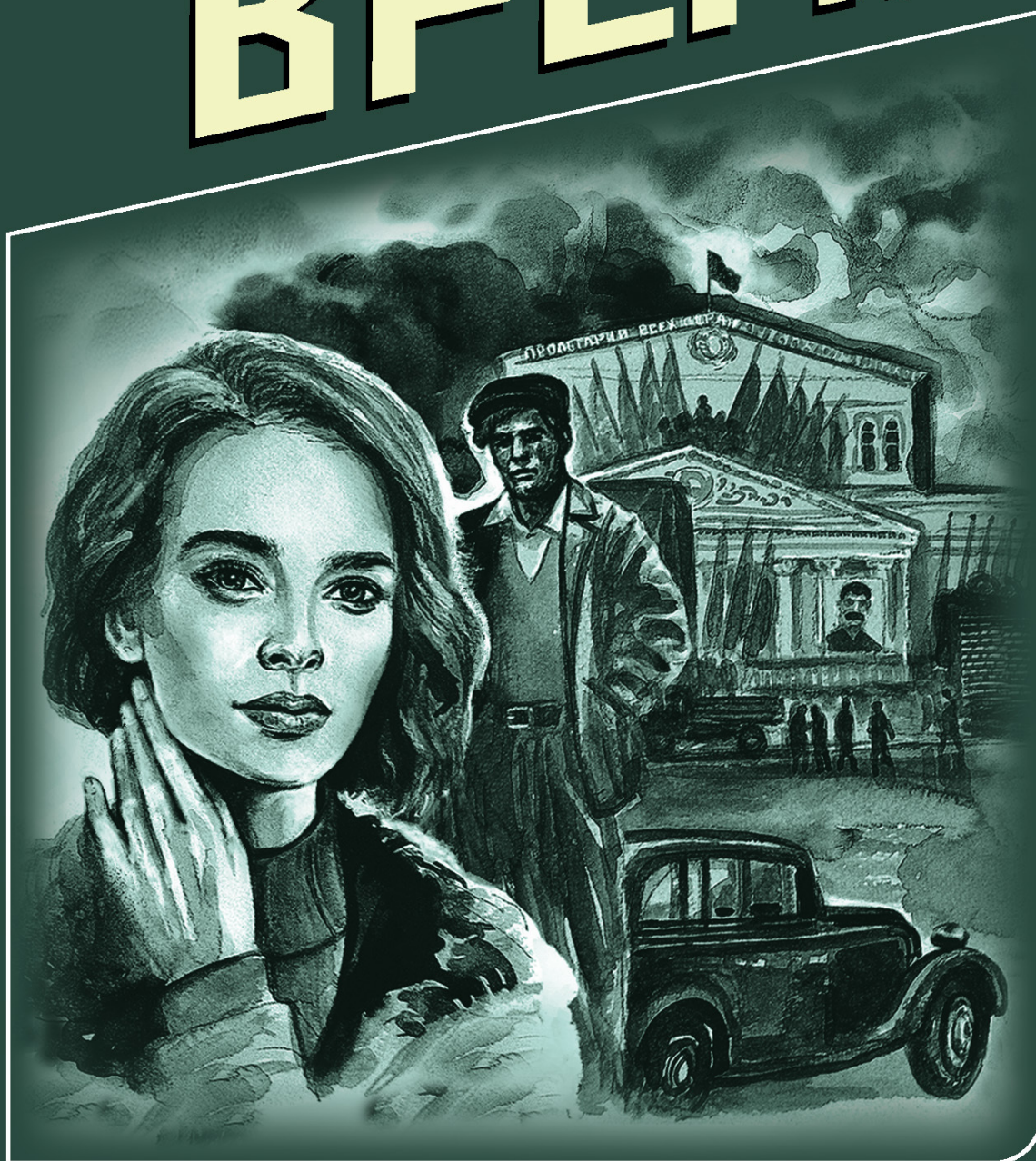

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИНИНА

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

Валерия Вербинина
Московское время

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Московское время / В. Вербинина — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097712-3

Москва, 1939 год. Блеск и нищета молодого советского государства. Коммунальные квартиры, общие кухни, примусы и склоки, очереди за спичками и мылом. А рядом сияющий огнями «Националь»: невероятная роскошь для избранных, шампанское и икра, не по-советски красивые дамы в норковых манто и «товарищи» с сигарами... После одного из таких шикарных ужинов цвет советской элиты несет потери: друг за другом гибнут известный журналист, фотокорреспондент ТАСС и переводчица «Интуриста», причем убийства старательно скрывают от народа. Почему? Потому что в СССР нет преступности или по каким-то совершенно иным причинам? И как с этим связан ночной убийца-душитель, на след которого пытаются выйти лучшие оперативники МУРа?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097712-3

© Вербинина В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1. После представления	6
Глава 2. Квартира 51	12
Глава 3. Соседи	16
Глава 4. Выстрел	21
Глава 5. Утром	28
Глава 6. Соколов	31
Глава 7. Сережка	36
Глава 8. Грезы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Московское время

© Вербинина В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Все персонажи и события данного романа вымышлены. Любое сходство с действительностью случайно.

Глава 1. После представления

*В Москве не бывает весны.
М. Булгаков, из черновиков «Мастера и Маргариты»*

Ночью по Москве ходить опасно.

И вовсе не опасно, мысленно одернула себя Нина, а просто – просто хочется поскорее оказаться дома, где так уютно горит лампа под крепдешиновым абажуром. Тьма таращится в окна, но ты не боишься ее, ты знаешь – она снаружи, а ты для нее недосягаема, потому что находишься под защитой своих стен. Совсем другое – идти после полуночи по почти что безлюдной улице под стук собственных каблучков, которым вторят толчки сердца, и Нина даже пожалела, что сгоряча отказалась от предложения своего нового знакомого, студента Былинкина, проводить ее. С Былинкиным ее познакомила подружка Ленка, благодаря которой Нина и оказалась сегодня в Большом театре. Ленка уверяла, что они идут вдвоем, но на месте обнаружилось, что к их компании присоединились этот Былинкин и его родственник – какой-то наркомовский¹ служащий, солидный брюнет сорока с лишним лет, то есть все равно что старик. Имя служащего Нина не запомнила, потому что им прочно завладела Ленка, а ей волею-неволей пришлось развлекать студента. Былинкин спросил, как она относится к классической музыке, и тотчас же сообщил, что сам к операм равнодушен, и вообще ему нравятся джаз и Вертинский. На языке у Нины вертелся вопрос, зачем же в таком случае ее новый знакомый пришел слушать оперу, но спросить она так и не осмелилась. В присутствии людей, которые были ей антипатичны, Нина терялась, а Былинкин ей сразу не понравился: смотрел слишком пристально, пытался поддержать разговор, когда уже играла музыка, и вообще у него была дурацкая фамилия и прыщ над верхней губой. Но теперь, когда последний оживленный перекресток остался позади и Нина, по привычке срезая дорогу, углубилась в лабиринт старых улиц, не затронутых грандиозными перепланировками последних лет, она поймала себя на мысли, что зря запретила студенту провожать себя. Ей было бы куда спокойнее, если бы рядом находился кто-то, пусть даже с прыщом и нелепой фамилией.

Холодный ветер бил в лицо, фонари источали болезненный желтый свет, с неба сыпалась мелкая противная крупа – весна в 1939 году выдалась снежной и неласковой. Упрямо наклонив голову в белом беретике и крепко прижимая к себе новую сумочку, Нина бежала сквозь апрельские сумерки. Берет был почти как у Норы Полонской в «Трех товарищах»² – для полного сходства недоставало только вышитой собачки, на которую Нина не отважилась, потому что сама вышивала неважно, а мать, Зинаида Александровна, которая как раз была на все руки мастерица, объявила, что собачка тут совершенно лишняя и Нине без нее гораздо лучше. На самом деле Зинаида Александровна не одобряла личность, которой дочь пыталась подражать. Положим, Маяковского мать Нины тоже не одобряла – по ее мнению, для поэта Маяковский вел себя на редкость антипоэтично, – но Полонская, ставшая причиной его самоубийства, и вовсе не вызывала у Зинаиды Александровны восторга. Нина же, в силу возраста, смотрела на вещи совершенно иначе: смерть из-за неразделенной любви казалась ей чем-то возвышенным, романтичным и необыкновенным, в зале кинотеатра она с волнением глядела на экран, на аппетитную молодую женщину с усталым лицом, томно изображающую *femme fatale*³. В сюжете присутствовала не только *она*, но и история мужской дружбы, не выдержав-

¹ Наркомат (народный комиссариат) – аналог министерства.

² Вероника (по прозвищу Нора) Полонская (1908–1994) – актриса, с которой у Маяковского был роман, закончившийся его самоубийством. «Три товарища» – фильм 1935 года с ее участием (одноименная книга Э. М. Ремарка не имеет к нему никакого отношения).

³ роковая женщина (*франц.*).

шей испытаний, и даже взрыв моста, осуществленный, впрочем, из самых благих намерений, но о взрыве Нина забыла, как только вышла из зала. После фильма она стала носить берет, хотя раньше была равнодушна к этому головному убору, и вообще стала уделять одежде куда больше внимания. Увы, коричневое пальто, в котором она ходила, при всем старании нельзя было сделать модным. С сумкой Нине повезло больше: одна из знакомых Ленки Елисеевой получила ее в подарок от кого-то, но то ли подарок не прижился, то ли даритель был не из тех, чьи подношения приятно видеть возле себя – одним словом, божественная темно-лиловая вещица с позолоченной цепочкой в итоге оказалась у Нины, а Ленкин кошелек пополнился на 85 рублей. Родителям, конечно, Нина назвала куда более скромную сумму – Василий Иванович и Зинаида Александровна были прекрасными людьми, но судьба отучила их от всего, хоть мало-мальски смахивающего на расточительство, и они бы не поняли, зачем дочери такая дорогая сумка, когда в магазине можно купить изделие Пролетарского райпромтреста рублей за сорок, если оно из кожи, и всего за восемь или десять, если оно дерматиновое...

– Мрря-я-я-у!

Кот сверкнул глазами на девушку, промчался во тьме клубком тьмы и канул во тьму. Нина аж подпрыгнула от неожиданности, но тотчас же взяла себя в руки. «И чего я боюсь, – подумала она, – совершенно нечего бояться». Идти оставалось совсем недолго, и Нина приободрилась. Скоро она будет дома, вот уже слева видна вывеска «Хлеб» над новой булочной. Раньше в ней был другой магазин, но потом случилась какая-то темная история, после которой его надолго закрыли, а недавно – гляди-ка – стали ремонтировать помещение и даже покрасили наружные стены. Витрина булочной еще пуста и нигде нет расписания работы, но вчера, пробегая через двор, Нина видела, как рыжий рабочий прилаживал вывеску, стоя на кузове грузовика. Значит, скоро в районе откроется еще одна булочная, и очень хорошо, потому что та, в которой они обычно покупают...

Но тут все мысли о хлебе и новом магазине вылетели у Нины из головы, потому что она разглядела впереди, во дворе, фигуру другого прохожего. Мужчина плелся, то и дело натываясь на деревья, бормотал какой-то вздор и вообще производил впечатление человека, который «перебрал» и совершенно утратил всякое ощущение реальности.

«А вдруг он бросится на меня? – подумала Нина, холодея. – Что я буду тогда делать?»

Хлопнула дверь, из дома выскочила взволнованная молодая женщина с шалью на плечах и подбежала к пьянчужке.

– Ваня, это невыносимо! – закричала она срывающимся голосом. – Иди домой!

– Не под-ду, – отвечал пьяница, решительно отстраняя ее рукой.

– Господи, за что же мне это! – запричитала женщина. – Ваня!

– Не тр... рожь меня, – угрожающе хрюкнул пьяница. – Ты... кто... такая... вообще?

– Ваня, ну Ваня! – запричитала женщина, бегая вокруг пьяницы, который без сил опустился на скамейку. – Ванечка, пойдем домой... Ваня!

Женщина вполголоса заговорила с пьянчужкой, который, очевидно, был ее мужем или братом и, где-то удачно «заложив за воротник», не желал возвращаться к домашнему очагу. Нина сердито наморщила носик. Ее выводила из себя картина бытового разложения, невольной свидетельницей которой она стала. Особенно раздражал ее Ваня, вокруг которого так хлопотала незнакомка. Косматый, с давно не стриженной бородищей, одетый черт знает как, он походил не на советского гражданина, а на форменное пугало. Нина даже поймала себя на мысли, что переживать из-за подобного субъекта, прямо скажем, себе дороже...

– Ну и сиди тут! – крикнула женщина с ожесточением и метнулась обратно в дом.

Пьяница обмяк на скамейке, и тут Нина с опозданием сообразила: чтобы пересечь двор, придется пройти мимо него. Слева виднелась вывеска новой булочной, впереди темнела дверь дома, в котором скрылась собеседница Ванечки, а справа, в глубине двора, за редкими деревьями, маячил другой дом, поменьше. Нина часто видела его, пробегая мимо, но никогда не

обращала внимания. Днем это было неказистое одноэтажное здание с двускатной крышей, покрашенное серой, во многих местах облупившейся, краской, а ночью – просто строение неопределенной формы и цвета, в котором не светилося ни одно окно. Скамейка с непредсказуемым пьянчужкой располагалась почти в центре двора, немного ближе к тому дому, в котором он, судя по всему, квартировал.

В обычное время проще всего было пересечь двор по диагонали, пройдя мимо скамейки, но теперь воображение рисовало Нине всякие ужасы, и она решила сделать небольшой крюк. Лужа возле булочной тоже сыграла свою роль: увидев, как в ней отражается свет единственного на весь двор фонаря, девушка мгновенно приняла решение и стала обходить скамейку справа, забирая ближе к серому дому. Нина старалась двигаться как можно тише, чтобы не привлечь внимание жутковатого существа, откликающегося на имя Ванечка, а потому, когда Ванечка неожиданно шевельнулся и повернул голову в ее сторону, блеснув глазами сквозь космы, Нину охватила паника.

– Гр-ражданка, – проговорил пьяница неожиданно приятным глубоким баритоном, – куда идем?

Нине очень хотелось сказать что-нибудь веское, чтобы поставить омерзительного пропойцу на место, но еехватило только на сдавленный писк. Она метнулась в тень дерева, но пьяница уже поднялся на ноги и с проворством, поразительным для вдребезги пьяного человека, оказался возле нее.

– Не подходите ко мне, – пролепетала Нина, отступая в сторону. Больше всего ее испугало выражение глаз незнакомца. Было в них что-то отчаянное, что-то сумасшедшее, куда надежнее любых угроз убедившее девушку в том, что ее ночная прогулка непременно плохо кончится. Боковым зрением она заметила возле серого дома движение – оттуда кто-то вышел. Нина открыла рот, готовясь кричать и звать на помощь, но проклятый Ванечка ее опередил.

– Граждане бандиты, вы окружены, сдавайтесь! – заорал он в сторону тех, кто показался из серого дома. И Нине: – Ложись, дура!

В его руке непонятно откуда появился черный пистолет. В следующее мгновение пьяница, он же непутевый Ванечка, он же черт знает кто, явившийся из тьмы, кинулся к Нине и швырнул ее на землю.

– А-а-а! – заверещала девушка.

– Мусора! Вали их!

Пах! Пах! Пах! Сухо защелкали выстрелы, раздался звон разбитого стекла – из булочной тоже кто-то стрелял. Кто-то бежал, кого-то хватали, кто-то грязно и беспомощно ругался, кто-то кричал от боли, а Нина скорчилась на земле, зачем-то судорожно вцепившись в ручку сумочки, а левой рукой инстинктивно прикрывая голову.

– Бросай оружие! Бросай, кому говорят!

– Ты чё, ты чё, начальник...

– Юра, у него нож за голенищем! – Это пьяница обращается к кому-то из своих, кто выскочил из булочной прямо сквозь витринное стекло, ухитрившись, кажется, даже не пораниться.

– Ага, понял, Иван Григорьевич... Ну-ну, Храповицкий, не шали! Отдай ножичек-то... Вот так, молодец! Руки! Руки держи, чтобы я их видел...

– Веник бежал! – кричит кто-то, и, приподняв голову (любопытство все же сильнее страха), Нина с изумлением узнает в говорящем рыжего рабочего, совсем недавно на ее глазах вешавшего вывеску на булочную.

– Там Антон и Петрович его примут, – отвечает недавний пьяница.

– Не догонят, – усмехается человек, которого держит на прицеле высокий, артистичного вида Юра.

Однако через минуту из-за угла дома двое выволакивают молодого парня, заломив ему руки за спину. На голове у парня копна непокорных волос, из-за которой, возможно, он и получил свое прозвище «Веник». Левый конвоир на ходу свободной рукой стирает с лица кровь, тотчас же проступающую снова. Судя по всему, Веник пытался оказать сопротивление.

– Царапина, Иван Григорьич, – говорит пострадавший прежде, чем ему задают вопрос.

– Все целы? – отрывисто спрашивает «пьяница», оглядываясь.

– Наши – да. – Юра передергивает широкими плечами. – Из *этих* трое наповал, один ранен...

И в самом деле, возле серой стены лежат два тела, третье – на дорожке, а раненый сидит, прислонившись спиной к дереву, и стонет. И хотя он вроде бы уже не представляет опасности, рядом стоит рыжий, угрожающе направив дуло револьвера на задержанного. Нина чувствует, как ее начинает бить крупная дрожь.

– А Елагин где? – с тревогой спрашивает Иван Григорьевич. – Елагин!

– Здесь я, – отзывается человек, показавшийся из булочной. Это приземистый крепыш флегматичного вида, и Нина вспоминает, что тоже видела его раньше, он помогал рыжему управиться с вывеской. Елагин бросает равнодушный взгляд на убитых и отворачивается, словно не он только что стрелял в них и убил как минимум одного.

Из большого дома стремительным шагом выходит уже знакомая Нине молодая женщина с шалью на плечах, а за женщиной следует совершенно седой, очень спокойный старик.

– Терентий Иванович, – обращается к нему Иван Григорьевич, убирая оружие. – Вызовите карету «Скорой помощи»... И машину для перевозки...

– Они уже едут.

– Лиза, вы в порядке?

Женщина поводит плечами, обхватывает себя руками.

– Когда началась стрельба, я испугалась... И когда брат выскочил через стекло... – Она кивает на высокого Юру, который смущенно улыбается.

– Юра, ну ты артист... – говорит кто-то с восхищением.

– Что за баба? – спрашивает другой голос, и Нина не сразу понимает, что речь идет о ней.

Приблизившись, Иван Григорьевич протягивает руку и рывком поднимает девушку на ноги. Ощущение у Нины такое, словно она превратилась в мозаику и вот-вот рассыплется на тысячу кусочков.

– Московский уголовный розыск, старший оперуполномоченный Опалин, – представляется Иван Григорьевич, скользя внимательным взглядом по ее лицу. – Кто вы и как вас зовут?

– Я... я... я студентка, – сбивчиво начинает говорить Нина. Она хочет объяснить, что живет тут неподалеку, что была в Большом – слушала «Сусанина», и всего лишь возвращалась привычной дорогой домой, но тут оперуполномоченный Опалин отмочил фокус: отклеил бороду, снял парик, и перед Ниной оказался молодой брюнет приятной наружности, которую портил только один дефект. Раньше, когда космы закрывали его лоб, не было видно довольно широкого шрама, наискось идущего через правую бровь и к тому же плохо зарубцевавшегося. Увидев этот шрам, тот, кого называли Храповицким и по-прежнему держали на прицеле, хрипло засмеялся.

– Скорехват, чтоб мне сдохнуть, – объявил он. – Ну и маскарад вы тут устроили, гражданин начальник!

И витиевато и грязно выругался.

– Маскарад не маскарад, однако ж тебя взяли, – спокойно ответил Опалин. – Зря ты в Москву подался. Мысль, конечно, неплохая была – после южных подвигов отсидеться в столице. Ну, вот и отсидишься теперь, как положено.

И тут Нина вспомнила. Банда Храповицкого орудовала на юге, а последним их делом было ограбление банка в Ростове, тогда во время налета убили посетителя и кассиршу. «Зна-

чит, они перебрались в Москву... – лихорадочно размышляла Нина. – И я чуть ли не каждый день ходила мимо дома, в котором они жили...»

Девушку вдруг остро поразила мысль, что зло, о котором даже не думаешь, может оказаться близко, так близко, и жизнь твоя повисает на тончайшем волоске. Ведь буквально только что, ни о чем не подозревая, она оказалась на линии огня, и если бы не Опалин...

Нина подняла глаза и встретила его сосредоточенный взгляд.

– Где именно вы учитесь? – спросил он.

– В институте имени Луначарского... Театральном. – Привычное сокращение ГИТИС от волнения выскочило у нее из головы.

– Актрисой, значит, будете?

– Нет. – Нина покраснела. – Я на театроведческом факультете...

– Зовут вас как?

– Нина. Нина Морозова.

– Документы предъявите, пожалуйста.

– У меня только комсомольский билет... – начала Нина, залезая в сумочку. И неожиданно поняла, что, готовя обновку к первому выходу, переложила в нее из старой сумочки кошелек, ключи, зеркальце, помаду... А билет, лежавший в особом кармашке прежней сумки, забыла.

За-бы-ла.

– Понимаете, товарищ, – залепетала Нина, покрываясь пятнами, – у меня новая сумка... и я... Я дома оставила документы! Честное слово... Я в Большом была... на «Сусанине»...

– И как вам, понравилось? – поинтересовался собеседник таким тоном, что нельзя было понять, издевается он, искренне любопытствует или просто спрашивает, как ему полагается по профессии.

– Очень! – искренне ответила Нина.

...Конечно, ей не повезло побывать на спектакле несколько лет назад, когда оперу Глинки, переделанную под требования новой эпохи, приехало смотреть правительство во главе с товарищем Сталиным которому публика устроила грандиозную овацию. Но Нина была счастлива и тем, что увидела «Сусанина» сегодня, в более спокойной обстановке. Размах постановки, костюмы, декорации – все пленяло, пробуждало мечту, уносило в какие-то другие миры. (А по молодости она больше всего ценила именно то, что заставляло мечтать...)

– У вас ведь сохранился билет? – очень вежливо спросил Опалин. – Покажите, пожалуйста.

Но у Нины не было билета, потому что их с Ленкой провели в Большой тот самый наркомовский старик и Былинкин.

– Мы по контрамарке прошли...

– Мы? Вы были не одна?

– Да, я с Ленкой была... Елисеевой...

Во двор, гудя, въехал издававший виды автобус для перевозки заключенных, а за ним вкатила и карета «Скорой». Сейчас меня арестуют, обреченно подумала Нина. Ночью, возле воровского притона, одна, без документов, с подозрительной историей о «Сусанине»... Опустив глаза, она только теперь заметила, что ее пальто заляпано грязью. «Правильно: я же лежала на земле, а кругом стреляли... стреляли...» И принялась машинально чистить пальто, избегая смотреть Опалину в глаза.

– Маслов!

– Я, Иван Григорьевич...

– Проводи гражданку до дома. Проверь...

– Иван Григорьевич, а как же...

– Мы тут без тебя справимся. Терентий Иванович! Зовите понятых, будем производить обыск в доме гастролеров... Лиза, вы нам больше не нужны, идите к себе. Костя!

– Да? – Рыжий Маслов обернулся.

Вполголоса:

– О вежливости не забывай...

– О, а вот и царская карета, – захохотал Храповицкий, глядя на неказистый автобус. – Что ж, передам привет... барону Тыльнеру... старые знакомые, как-никак! В гимназии за одной партой сидели!

– Ты, мразь... – начал Юра, вспыхнув.

– Тихо, тихо, Юра, – вмешался Опалин и повернулся к Храповицкому: – С таким, как ты, Георгий Федорович не то что за одной партой, а в одном нужнике сидеть не будет... Пакуйте их, ребята.

В дверях большого дома толпились встревоженные жильцы. Лизу, вернувшуюся к подъезду, засыпали вопросами. Уцелевших бандитов вели в автобус, к раненому подошел доктор, а Нина шла прочь в обществе хмурого Кости Маслова с непередаваемым ощущением человека, которому не дали досмотреть последний акт захватывающей пьесы. И хотя все вроде бы уже кончилось и никаких сюжетных поворотов больше не предвиделось, ощущение незавершенности происходящего упорно не покидало Нину.

Глава 2. Квартира 51

– Что с ней, вы поругались?

– Нет, мы познакомились.

Из фильма «Сердца четырех», 1941

Нина изнывала от любопытства. Она понимала, что таинственный Опалин – главный и именно ему подчиняются и рыжий Костя, и Юра в кожаной куртке, прыгнувший сквозь стекло, и те двое, схватившие Веника, и флегматичный Елагин, и даже седой Терентий Иванович, который вроде бы не принимал участия в перестрелке, но явно играл важную роль. И еще была Лиза, о чем-то шептавшаяся с милым Ванечкой, изображавшим опустившегося забулдыгу. Лиза Нину тоже очень интересовала – но больше всего, конечно, заинтриговал ее сам оперуполномоченный Опалин, человек со шрамом, с легкостью преобразавшийся из пропойцы в агента уголовного розыска. Пожалуй, Нина могла пожертвовать своим беретом, чтобы узнать, есть ли что-нибудь между Опалиным и Лизой, а если есть, то что именно. Но, разумеется, нельзя вот так сразу спрашивать о том, что тебя на самом деле волнует.

– А вы все из МУРа? – начала Нина и тотчас пожалела, что выбрала для завязки беседы с хмурым Костей такой нелепый вопрос. Во всяком случае, услышав вопрос, ее спутник слегка поморщился.

– Вам-то что? Тем более если вы ни при чем...

– Я ни при чем, – с готовностью подтвердила Нина. – Сюда... Я вот здесь живу, в двенадцатом доме.

– Какой этаж?

– Четвертый. Квартира пятьдесят один.

– Квартира коммунальная?

– Д-да.

Костя тяжело вздохнул, словно больше всего на свете не любил коммунальные квартиры, а особенно те, которые расположены на четвертом этаже в домах под номером двенадцать.

– Ну и постарались вы, – пробурчал он. – Влезли, чуть всю операцию нам не сорвали...

– Я же не знала! – вырвалось у Нины. – Я подумала – пьяный во дворе, ну и решила его обойти...

Костя поглядел на ее обиженное лицо, на темные кудри, выбившиеся из-под белого берета, на блестящие глаза, ничего не сказал и только головой покрутил, как недовольный кот.

– А что теперь с ними будет? – отважилась спросить Нина, пока они шагали через двор к ее дому.

– С кем?

– С этими... которых вы схватили.

– Ну, на расстрел они точно набегали, – буркнул Костя, насупившись, – а там как суд решит. Правда, сейчас с ними уже не цацкаются, это раньше всё рвались их перевоспитывать. – И так нехорошо усмехнулся, что у Нины пропала всякая охота расспрашивать дальше.

Крупа уже перестала сыпать с неба, ее сменил полноценный снег.

– Сколько раз звонить? – спросил Костя у двери в квартиру, прикрыв звонок рукой и испытующе глядя на девушку.

– Три раза, коротко, – ответила Нина с удивлением.

Костя покосился на листок на стене, в котором перечислялись фамилии жильцов и порядок звонков к каждому из них. Точно, есть Морозовы, и, отвечая на его вопрос, девушка на список не смотрела. Однако прежде чем Костя успел позвонить, дверь распахнулась, и на пороге предстала взволнованная Зинаида Александровна в домашнем платье из темного ситца.

– Наконец-то! Хорошо, Доротея Карловна тебя увидела в окно и сказала мне... Где ты была? Боже мой, в каком ты виде! Нина, что случилось?

– Константин Маслов, угрозыск, – вмешался спутник Нины, махнув в воздухе красной книжечкой. – Вам знакома эта гражданка?

– Да, это... это моя дочь. Вася! – с тревогой закричала Зинаида Александровна в глубь квартиры, – Вася, иди сюда скорей! Почему угрозыск, зачем угрозыск? Я не понимаю... Нина, что ты натворила?

– Я... ничего...

– Документы предъявите, – сказал Костя Зинаиде Александровне. – И вы, гражданка, тоже, – это уже Нине. – Помнится, был разговор про сумочку, в которой вы что-то там забыли...

Нина, краснея, бросилась к двери комнаты, которую занимала вместе с родителями.

– Мама, где моя сумка? Ну та, прежняя... уродец!

– И вовсе не уродец, сумка как сумка, – проворчала Зинаида Александровна, запирая входную дверь и косясь через плечо на рыжего Костю, который шагал за Ниной. – На кресле она лежит...

Из комнат высовывались разбуженные шумом жилыцы – и, само собой, не преминула отметиться бабка Акулина Петровна. Наверное, в любой коммунальной квартире имеется такая бабка Акулина, совмещающая в одном лице чуму, холеру, адский ужас и бесплатный балаган. Той, о которой идет речь, было не то сорок семь, не то шестьдесят, не то все девятью. Впрочем, возраст, больные суставы и разнообразные немощи, от которых она страдала каждый день, не исключая выходных и праздников, никогда не мешали ей распахивать всех и первой садиться в трамвай, а также брать приступом любую очередь – включая очереди 1931 года, известные своей неприступностью. Жалуясь на глухоту, бабка громко включала радио именно тогда, когда ее соседи хотели насладиться заслуженным отдыхом. В то же время было доподлинно известно: проблемы со слухом вовсе не мешают Акулине Петровне слышать все, что происходит на улице, за стеной, на верхнем этаже и у соседей на противоположном конце коридора огромной коммуналки. Все эти противоречия, впрочем, были бы терпимы для окружающих, если бы бабка не обладала склочным, гнусным, исключительной мерзости характером. Бабка была мастером устраивать скандалы на ровном месте. Кроме того, с годами она приобрела сверхъестественную проницательность, и обитатели квартиры могли быть уверены в том, что если они не хотят слышать что-то нелицеприятное в свой адрес, то именно это и услышат от торжествующей Акулины Петровны. А потому не могло не изумлять, как при таких свойствах характера бабка сумела-таки дожить до своих почтенных лет. Ведь, казалось бы, неминуемо у кого-то должны были не выдержать нервы, и кто-нибудь уже давно озабочился бы приложить неугомонную старушку по голове чем-нибудь тяжелым, вплоть до причинения черепно-мозговой травмы, несовместимой с жизнью. Однако бабка Акулина, вопреки логике, до сих пор была здоровехонька и отравляла жизнь всем, до кого могла дотянуться, причем первыми в этом списке, разумеется, шли обитатели квартиры на четвертом этаже. Возможно, они – подобно известному литературному персонажу – сверх меры чтит Уголовный кодекс, возможно, в философском смысле интересовались тем, до каких пределов способно простираться человеческое терпение, а возможно, одно-единственное достоинство, имевшееся у Акулины Петровны, в глазах соседей отчасти компенсировало ее недостатки. Дело в том, что у малограмотной бабы, бог весть каким путем перебравшейся в Москву из дремучей провинции, было совершенно феноменальное чутье.

Эксперты, журналисты, гадалки и шарлатаны всех мастей сначала стараются собрать как можно больше сведений, а уже потом на их основе строят более или менее правдоподобные теории. Неизвестно, какими сведениями руководствовалась бабка Акулина, но ее предсказания, даже казавшиеся поначалу абсолютно фантастическими, всегда сбывались с пугающей

точностью. За три дня до отставки Троцкого, когда еще пол-Москвы было завешено его портретами, бабка заявила:

– Ну все, бороденке конец. Больше ему не царствовать!

В разгар гражданской войны в Испании, когда казалось, еще немного и победа будет на стороне поддерживаемых СССР республиканцев, бабка скептически хмыкнула и сказала пафосно вешавшему репродуктору:

– Ври, ври, да не завирайся! Кака така Испания, нужна она нам, как собаке патефон... Хотя апельсины у них хорошие, это да! – Испанские апельсины тогда продавались на всех углах.

Всего несколько недель назад, в марте, Германия захватила Чехословакию, и в коммуналке занервничали. Не утерпев, Василий Андреевич улучил-таки момент, когда бабка поела и находилась в сравнительно благодушном настроении, и с трепетом спросил, что она думает о войне.

– Война, канеш, будет, – огорошила его Акулина Петровна, шмыгая носом, – но не щас. Куда нам щас с немцами тягаться!

Однако самое любопытное заключалось в том, что феноменальное чутье проклятой бабки распространялось не только на политику. Все обитатели коммуналки знали: если в магазинах нет очередей, но Акулина Петровна зачем-то тащит домой многокилограммовый запас сахара, значит, надо все бросать и мчаться за сахаром, потому что либо скоро он исчезнет, либо за ним будут такие очереди, что мало не покажется. Если бабка скупала соль и спички, остальные следовали ее примеру; если запасалась мылом, соседи тотчас мчались в магазин и набирали мыла на несколько месяцев. К сожалению, многие товары, выпускавшиеся в то время, были скоропортящимися, да и домашние холодильники мало у кого имелись, то есть последствий дефицита можно было избежать только частично. Самым тяжелым оказался 1931 год, когда были серьезные перебои в снабжении, и только в 1935-м наконец-то отменили продуктовые карточки. Казалось, все более-менее устаканилось, а раз Акулина Петровна сказала, что войны сейчас не будет, то о войне можно было пока не думать.

...Итак, бабка Акулина приотворила дверь – ровно настолько, чтобы просунуть в щель нос, украшенный двумя бородавками, и кольнуть проходящих мимо острым, как игла, взглядом маленьких глазок.

– С ума вы, что ль, посходили, – взвизгнула она, – ходят тут, – она говорила именно «ходят», а не «ходят», – каблуками стучат! Ночь на дворе! А это еще кто? – со злобой вытаращилась она на рыжего Костю.

– Я оперуполномоченный угрозыска, – сказал Маслов. – Вы здесь живете? Предъявите ваши документы. Вы знаете эту девушку?

Он кивком головы указал на Нину, которая стояла в нескольких шагах от них и не могла войти в свою комнату, потому что на пороге, загораживая проем, только что возник ее отец. Василий Иванович был кругленьким приземистым шатеном с высоким облысевшим лбом, красивыми бровями и глазами, в которых сейчас читалась немая тревога. Выразить тревогу вслух Морозов, впрочем, не успел, ибо с Акулиной Петровной произошла любопытнейшая метаморфоза. Услышав слова Кости, бабка вытаращила глаза и подалась назад.

– Я ее не знаю! – заверещала Акулина Петровна (хотя не далее, как несколько часов назад поцапалась с Ниной на общей кухне). – Извините, молодой человек, я совсем глухая! Ничем не могу помочь!

Она захлопнула дверь, и все услышали, как в замке со скрежетом поворачивается ключ.

– Не слушайте ее, – проговорила Зинаида Александровна, – она только притворяется глухой, а так у нее здоровья на четверых хватит...

– Зина, что происходит? – подал голос Василий Иванович. Его жена только руками развела.

Нина все-таки сумела пробраться мимо отца в комнату и поспешила к креслу, на котором лежала ее старая сумочка с потертymi углами. Повернувшись, девушка увидела, что Костя уже стоит в дверях, оглядывая обстановку. До революции эта комната, вероятно, служила парадной гостиной, одним из украшений которой был камин, сохранившийся до сих пор, но, судя по всему, давно бездействовавший. Бывшую гостиную, превратившуюся в жилплощадь Морозовых, разгородили шкафами так, что получились как бы три небольшие комнаты. Напротив входа – обеденный стол, накрытый кипенно-белой скатертью, и четыре разнокалиберных стула, в углу – кресло, рядом с ним маленький столик. На столике лампа с бледно-желтым абажуром, под ней с одной стороны коробка для рукоделья, а с другой – кукла. На стене висела фотография бородатого господина неуживчивого вида, которого Костя поначалу принял за Маркса. Слева и справа, за шкафами, очевидно, спальни, то есть кровати членов семьи. Чисто, уютно, бедно? – да, пожалуй, но то была эпоха, не располагавшая к излишествам. С точки зрения многих современников, Морозовы жили очень даже хорошо.

Нина заметила, как Костя смотрит куда-то в угол, и решила, что его внимание привлекла кукла. Нет, положим, закона, запрещающего студенткам держать у себя дома кукол, но все же – все же девушке было ужасно неловко. Она уже вообразила себе, как Костя с ехидством рассказывает Опалину: «Представляете, Иван Григорьевич, эта гражданка до сих пор в куклы играет...»

– Это Маркс? – несмело спросил Костя, кивая на фото.

– Нет, Джузеппе Верди. Великий композитор, – ответил за дочь Василий Иванович, стоявший в дверях. – Я музыкант, – пояснил он, – играю в оркестре.

– Вы хотели видеть мои документы, – пробормотала Нина, подходя к Косте с комсомольским билетом и паспортом, который она вытащила из ящика стола. – Вот...

Костя взял бумаги и для очистки совести принялся их изучать – хотя ему уже было ясно, что Нина сказала правду, на месте задержания банды оказалась случайно и не имела ни к Храповицкому, ни к его людям никакого отношения.

– Вы, кажется, хотели посмотреть и мои документы, – начала Зинаида Александровна, доставая свой паспорт, – только я все-таки хотела бы понять...

– Не утруждайтесь, все в порядке, – отозвался Костя, возвращая Нине документы. – Мы тут неподалеку одну банду брали, а ваша дочь мимо шла...

– Банду? – просипел Василий Иванович и обменялся с женой взглядами, полными неприязненного изумления.

– Да. Уже поздно, не буду вас больше задерживать. – Тут Костя впервые за все время улыбнулся, и обе женщины вдруг как-то особенно отчетливо увидели, что он еще очень молод – лет двадцати, может быть, двадцати двух, и совсем «зеленый» от усталости и треволнений этой ночи. – До свидания... то есть прощайте, – быстро поправился он. – Ну и это, – добавил Костя почти застенчиво, обращаясь к Нине, – лучше не ходите одна по ночам. Мало ли что...

– Я вас провожу, – поспешно сказала Зинаида Александровна. – Нина! Пальто снимай, я сразу его застираю...

И заторопилась к выходу. Костя, на прощание бросив взгляд на портрет Верди, последовал за ней.

Глава 3. Соседи

Ничего нет легче, чем убедить человека заняться сочинительством. Как некогда в каждом кроманьонце жил художник, так в каждом современном человеке дремлет писатель.

Александр Козачинский, «Зеленый фургон»

Когда, затворив за незванным гостем входную дверь, Зинаида Александровна вернулась в комнату, Нина уже с увлечением рассказывала отцу о том, что с ней сегодня случилось. Речь ее лилась прихотливо, прыгая с предмета на предмет, и в ней смешались «Сусанин», новый занавес Большого – золотой, с вышитыми датами революции, студент Былинкин, Иван и его товарищи, до поры до времени сидевшие в ночной засаде.

– Какой ужас! – возмутилась Зинаида Александровна, ухватив главную для себя нить в рассказе дочери. – Ведь тебя же могли убить!

Но Нина, блестя глазами, объявила, что ничего страшного не произошло. Теперь, когда все осталось позади, ей казалось, будто она пережила волнующее приключение, совсем как... ну да, совсем как в кино.

– И главное, так глупо! – трещала она. – Я вцепилась в сумочку, и... кругом стреляют, а я трясусь – она ведь совсем новая и восемьдесят пять рублей могут пропасть... Ужасно глупо!

Зинаида Александровна открыла рот.

– Восемьдесят пять? Но ты же говорила, что заплатила тридцать пять!

Нина смутилась.

– Ах, какая дрянь твоя подружка! – воскликнула расстроенная мать. – Только и знает, как тебя обирать... а ты ей позволяешь! И сумка-то маленькая, непрактичная, так, смех один...

– Зина, Зиночка, – поспешно забормотал отец семейства, умоляюще скосив глаза на дочь, – дело молодое... хочется быть красивой... пусть!

– Нет, она уже не первый раз садится Нине на шею! – сердилась Зинаида Александровна. – Нина рассказывала, как покупала ей мороженое, как...

– Подумаешь, мороженое, мама, – в свою очередь, рассердилась Нина, – Ленка кошелек дома забыла!

– Да неужели? Ты все время о ней говоришь, но я вот не замечала, что-то не замечала, чтобы она хоть раз за тебя платила... И зачем ты бросила сюда пальто? – рассердилась Зинаида Александровна, хватая его со спинки стула.

Нина надулась. Пальто было не брошено, а аккуратно положено, и вообще придирки матери казались ей вопиющей несправедливостью.

– Ну вот, пропало пальто! – трагически вскричала Зинаида Александровна и устремила в коммунальную ванную – застирывать пятна. – А всё твои театры! – совершенно нелогично добавила она, прежде чем покинуть комнату.

«Какая она все-таки... ограниченная!» – в сердцах подумала Нина и нахохлилась. Василий Иванович тихо вздохнул.

– Нина, пятьдесят рублей разницы, откуда взялись? – спросил негромко, пристально глядя на дочь. – Тридцать пять, чтобы заплатить за сумку, мы тебе дали, а остальное откуда?

– Заняла, – ответила дочь, порозовев и зачем-то поправляя прическу, хотя рядом даже не было зеркала.

– У кого?

– У Ирины Сергеевны.

Ириной Сергеевной звалась их соседка по коммуналке, вторая жена парикмахера Пряничникова. Злые языки утверждали, будто парикмахер был женат не два раза, а гораздо

больше, причем каждая следующая жена была красивее предыдущей, даром что сам он никакими особыми данными не обладал и даже несколько смахивал на сушеную воблу с усами. Нынешняя супруга Пряничникова наполняла сердца соседей завистью не только потому, что была чертовски хороша собой, но и из-за новых причесок, чуть ли не каждый день возводимых заботливым мужем на ее прехорошенькой головке.

– Постой-ка тут, – велел дочери Василий Иванович, стрельнул глазами вправо-влево, словно опасался явления из ниоткуда опасных диверсантов, и исчез за шкафами. Через минуту он вернулся, держа в руке пятьдесят рублей купюрами разного достоинства – и, судя по тому, как дензнаки были скомканы, это была заначка, бережно и любовно хранимая.

– Папа! – пролепетала Нина, теряясь.

– Возьми, отдашь Ирине Сергеевне, – шепотом ответил отец, пихая бумажки ей в карман. – И запомни: у чужих никогда ничего не бери. Никогда и ничего, особенно деньги! Поняла?

Нина так растерялась, что забыла возразить, мол, для нее многолетние соседи Пряничниковы не чужие, а очень даже свои люди. Но Василий Иванович, судя по всему, смотрел на вещи совершенно иначе. В дверь тем временем кто-то тихонько постучался.

– Да-да, Сергей Федотыч! – крикнул Василий Иванович, безошибочно определив личность гостя по манере оповещать о своем приходе. – Входите!

Скрипнули петли, и на пороге возникла высокая сутулая фигура Сергея Федотыча Родионова. Сергей Федотыч появился в коммуналке после того, как предыдущий обитатель одной из комнат, водопроводчик Патрикеев, все-таки допился до белой горячки и умер. Поэтому, когда комнату водопроводчика занял электрик Родионов, соседи немного напрялись – но их опасения оказались напрасными. Электрик оказался нелюдимым, мрачного вида холостяком лет сорока пяти, спиртного не употреблявшим вовсе. Как он однажды угрюмо объяснил: с электричеством не шутят, и то, что сойдет с рук водопроводчику, электрику может стоить жизни. По некоторым скупым намекам соседи догадывались, что когда-то Сергей Федотыч был не чужд бутылке, но когда однажды на его глазах убило током нетрезвого коллегу, Родионов зарекся пить что-либо крепче чая. Бабка Акулина уверяла, что именно по причине воздержания от спиртного электрик всегда такой мрачный, а так как бабка уже много раз оказывалась права, никто и не думал с ней спорить.

Войдя, Сергей Федотыч окинул комнату быстрым взглядом и, обращаясь преимущественно к Василию Ивановичу, поинтересовался причинами вечернего переполоха.

– Моя дочь стала свидетелем задержания опасной банды, – со значением ответил Василий Иванович и приосанился. Произнесенная фраза понравилась ему самому: в ней было что-то театральное, а он как-никак был человек, театру не чуждый, хоть и играл в малозначительном оркестре на тубе.

– А я думал – уж не ночные ли какие визитеры, – буркнул Родионов, пряча руки в карманы старенькой домашней куртки. Пояснять он не стал, но все присутствующие и так поняли, какие именно визитеры имелись в виду.

– Нина, расскажи Сергею Федотычу, что там было, – попросил Василий Иванович. Но прежде чем Нина успела открыть рот, на пороге возникли новые лица. Пришла жена парикмахера Пряничникова, двадцатидвухлетняя красавица Ирина Сергеевна, выглядевшая лучше любой кинозвезды (включая и голливудских). Почти в полном составе явилось семейство Ломакиных, занимавшее две лучшие комнаты: папенька, после победы большевиков первым делом вступивший в партию, в расцвет НЭПа открывший свое дело, а после свертывания НЭПа превратившийся в образцового советского служащего; его дородная зобастая супруга, изнывавшая от любопытства, и младший сын Евгений, вихрастый подросток с тонкой шеей. Пришла, на ходу поправляя папильотки, Таня Киселева. Работала Таня, можно сказать, в раю – продавала мороженое, но, как водится на этом свете, мечтала вырваться из рая ради получения

места в ликеро-водочном магазине. Наконец, явился шестидесятилетний Аполлон Семиустов, который, знакомясь с новыми людьми, неизменно аттестовал себя: «писатель». Если вы думаете, что «Аполлон Семиустов» – псевдоним, то жестоко заблуждаетесь. В сущности, имя было единственным, что вызывало хоть какой-то интерес в этом немолодом, желчном, словоохотливом гражданине. Семиустов принадлежал к тем многочисленным людям, которые за чем-то пристают к литературе и первую половину жизни грозятся написать такой шедевр, что небесам станет жарко, а вторую половину жалуются на всевозможные обстоятельства, помешавшие появлению шедевра. Однако кое-чем Семиустов все-таки был знаменит. Однажды он оказался за одним столом с Чеховым, а в другой раз видел вблизи Льва Толстого. Человек, не посвященный в тонкости литературного мира, будет думать, что из таких любопытных, но не имеющих никакого значения пересечений судеб невозможно выжать ничего интересного – и ошибется. Семиустов построил всю свою жизнь, все свое благополучие на этих двух встречах. Он лез в ораторы везде, где говорили о Чехове и Толстом, он записывался во всевозможные комиссии, имеющие отношение к этим двум классикам, и всеми правдами и неправдами примазывался к юбилейным сборникам. Он писал статьи – множество статей об Антоне Павловиче, о Льве Николаевиче и себе, любимом. Он был склочен, самолюбив и смотрел на всех сверху вниз – точнее, почти на всех, потому что его добродушная, но крепко стоящая на земле супруга не давала ему слишком уж забываться. Узнав, что Нина почему-то вернулась домой гораздо позже обычного и в сопровождении агента из угрозыска, Семиустов возжаждал драмы – и теперь, насупившись, слушал Нинин рассказ о том, как прямо на ее глазах была задержана целая банда.

– Я слышал, большинство этих муровцев сами бывшие бандиты, – объявил писатель, как всегда громко и безапелляционно. Нина взглянула на него с недоумением.

– Конечно, – поддакнул Родионов, и в глазах его блеснули колющие огоньки. – Поэтому, если у вас что случится, не вздумайте к ним обращаться. Только хуже будет...

– Ах, я представляю, какого ужаса вы натерпелись, – с сочувствием сказала Нине мадам Ломакина. – Стрельба среди бела дня...

– Была ночь, – вернула ее на землю Таня.

– Это неважно, – тотчас парировала Ирина Сергеевна. Она почему-то недолюбливала пухлую брюнетку Таню, хотя та никоим образом не могла составить ей конкуренцию (и даже не пыталась).

– А в каком, значит, доме жили эти бандиты? – спросил Ломакин у Нины. Получив ответ, он долго качал головой с сокрушенным видом, словно не мог поверить услышанному – в соседнем дворе, да и бандиты! – после чего пару раз украдкой зевнул.

Нина немного растерялась. Она еще хорошенько не понимала, в чем дело, но ее не покидало ощущение, что рассказ ее что-то утратил, что, может быть, она не могла выразить главного – или чего-то очень важного. Там, в реальности двора, освещенного одним фонарем, произошло нечто такое, что не вмещалось в слова или вмещалось с трудом и нехотя. Все дело было в Опалине: он был храбрый и находчивый и настоящий лидер, и даже когда кричал ей: «Ложись, дура!» – это почему-то не звучало у него грубо. Но сейчас Нина смотрела на лица обступивших ее соседей, и у нее пропало всякое желание объяснять им что-то про Опалина и его храбрость. Она и не могла передать, что она тогда чувствовала, и не хотела: это было нечто слишком личное, а Нина только что с изумлением поняла, что ей вообще не хочется обсуждать что бы то ни было, что имеет отношение к ее новому знакомому.

«А Лиза... Он с ней говорил на «вы»... Значит, она ему не жена... что бы она там ни изображала...»

Зинаида Александровна вернулась и тактично, но твердо напомнила присутствующим, что уже ночь, а завтра рабочий день, который никто не отменял. Соседи потянулись прочь из комнаты Морозовых, а Нина, забрав свою многострадальную сумочку, удалилась за шкафы в закуток, отведенный под ее спальню.

– Странно, что Акулины тут не было, – заметила Зинаида Александровна, нервно поправляя скатерть на столе.

– Зиночка, уверяю тебя, она уже все знает, и с такими подробностями, которые нам с тобой и не снились, – отвечал супруг с улыбкой.

Он совершил классическую ошибку мужчин, которые упускают из виду, что женщина в стрессе становится нечувствительна к любым проявлениям юмора. Зинаида Александровна только нахмурилась.

– Не отстирывается пальто, что ты поделаешь, – промолвила она с досадой. – Но Доротея Карловна пообещала достать какое-то чудо-средство.

Всего в квартире номер 51 было девять комнат. Две занимал Ломакин с семьей, третью – Морозовы, четвертую – Родионов, пятую – Таня Киселева, шестую – Акулина Петровна, седьмую – парикмахер Пряничников со своей красавицей-женой, восьмую – писатель, также с супругой, а в девятой ютилась старая графиня Игнатьева со своей верной компаньонкой Доротеей Карловной. Все считали последнюю немкой, хотя много лет назад она приехала в Российскую империю из Швейцарии, да так тут и осталась, не пожелав покинуть хозяйку, давно утратившую все свои богатства и именовавшуюся ныне не графиней, а «бывшей», то есть особой, имевшей значение только во времена царизма – эпохи, к которой теперь прилагались исключительно клеймящие эпитеты. Бывшая графиня жила очень одиноко и почти не выходила из комнаты, с соседями отношений также не поддерживала, и все общение шло через Доротею Карловну, всегда улыбчивую и приветливую. Вопрос, на какие средства графиня существует, весьма занимал пытливые умы, особенно ум Ломакина, но даже он успокоился, когда узнал, что графине помогает материально один из ее сыновей, служащий в крупной библиотеке. В коммуналке к графине относились по-разному, но большинство более или менее явно ее жалели. Исключение составляла только бабка Акулина, которая была не прочь завладеть комнатой Игнатьевой. Бабка не раз заявляла, что графиня – контрреволюционерка, а ее компаньонка наверняка шпионка, но, хотя времена на дворе стояли вовсе не вегетарианские, ни графиню, ни Доротею Карловну никто почему-то не трогал.

– Я могу пока походить в плаще, – сказала Нина матери, высунувшись из-за шкафа.

– В такую погоду?

– Я не замерзну, – заявила Нина упрямо.

Зинаида Александровна махнула рукой и опустилась в кресло. Нина надулась и скрылась за шкафами.

– Ах, боже мой, – простонала Зинаида Александровна, растирая виски. – Вот тебе и «Сусанин»! Никогда я не любила Глинку. И эта сумка! Неужели она не понимает, что не в деньгах дело, а в обмане? – Василий Иванович благоразумно безмолвствовал. – Если Доротея Карловна не поможет, пропало пальто. – Муж, храня молчание, поглядывал на портрет Верди. – А если бы с ней что-то случилось? – вскинулась Зинаида Александровна. – Неужели она не задумывается, что я, что ты...

Тут Морозов решил, что пора все же вмешаться.

– По-моему, ей кто-то понравился, – уронил он задумчиво.

Зинаида Александровна, пораженная оборотом, который принимал разговор, смотрела на мужа во все глаза.

– Вася, но это ведь невозможно! Он же рыжий!

– Ну и что, что рыжий, – отозвался Василий Иванович, втайне наслаждаясь нелогичностью своей собеседницы. От природы он был смешлив и питал пристрастие к парадоксам, в чем бы они ни выражались. – Да это все равно и не он, – добавил Морозов не менее нелогично.

– Вася, не выдумывай, – рассердилась Зинаида Александровна. – Если бы при мне стреляли, я бы, знаешь, ни о чем таком не думала. Ты считаешь, это тот, который с бородой? – заинтересовалась она. – Ненастоящей?

Положительно супруга Морозова в эту ночь собиралась побить все рекорды нелогичности.

– Нина все время говорила – он, он, он, – напомнил Василий Иванович. – Что он делал и как все его слушались. И еще сказала – у него выразительные глаза. Там был всего один фонарь, не считая пустяков вроде луны и звезд, а потому...

– Ну да, при таком освещении не то что глаза – вообще ничего не разглядишь толком, – вздохнула Зинаида Александровна. Она немного поразмыслила. – Нет, Вася, все это фантазии, глупости. Химеры! – заключила она, поднимаясь с места. – Ты будильник поставил? Идем-ка лучше спать.

Глава 4. Выстрел

Вдобавок ко всему наша милиция и уголовный розыск поднялись на недостижимую высоту.
М. Зощенко, «На дне»

Пока в квартире 51 супруги Морозовы обсуждали случившееся с их дочерью, обладатель выразительных глаз Иван Опалин тоже имел небезынтересный разговор. Он допрашивал Клима Храповицкого, лицо без определенных занятий 1905 года рождения, сколотившего банду из других таких же лиц неопределенных занятий и отчасти – из рецидивистов.

Опалин служил в МУРе давно, еще с тех пор, когда тот находился не на легендарной Петровке, 38, а в Большом Гнездиновском переулке. Совсем еще молодым человеком Иван попал во вторую бригаду, занимавшуюся расследованием краж, но не задержался в ней и через некоторое время перебрался в первую. Там под управлением Николая Осипова и Георгия Тильнера расследовали самые грязные, кровавые и тяжелые дела – главным образом убийства и вооруженные налеты.

Товарищи Ивана по второй бригаде считали, что он совершил ошибку: работа в первой бригаде была куда сложнее и опаснее, и погибшие при исполнении агенты угрозыска исчислялись десятками. Но Опалин никогда не жалел о принятом решении. Шли годы, деление на бригады было упразднено, вместо них ввели отделения, вместо должности агента появились уполномоченный, затем оперуполномоченный, но Иван по-прежнему занимался расследованием убийств, нейтрализацией банд и всем тем, чему его научили за время пребывания в первой бригаде.

Храповицкого ловили долго и безуспешно, хотя на след банды время от времени и нападали то в одном, то в другом городе. Когда несколько недель назад до Опалина дошла информация, что банда решила «залечь на дно» в Москве, он не отмахнулся, не счел сведения плодом фантазии чрезмерно болтливого осведомителя и даже не особенно удивился. Изучив дело Храповицкого, Опалин пришел к выводу, что тот склонен к неожиданным, но тем не менее весьма продуманным решениям.

– Нет, я все-таки не понимаю, – горячился Юра Казачинский, франт и гроза женских сердец, перепробовавший множество профессий от гонщика и каскадера до эстрадного конферансье и даже зубного техника, прежде чем оказаться в угрозыске. – Вот скажи: будь ты бандитом, ты бы подался в Москву? Где на каждом шагу милиция, где мы, где...

– Конечно, подался бы, – усмехнулся Опалин. – Потому что никто меня тут не ждет, а значит, не станет искать.

Изложив эти соображения своему непосредственному начальнику Николаю Леонтьевичу Твердовскому, Опалин получил приказ сформировать отдельную группу для поимки банды. В группу вошли, помимо него самого, Юра Казачинский, молодой опер Антон Завалинка, опытный Терентий Иванович Филимонов, служивший еще с царских времен, обстоятельный Карп Петрович Логинов, которого все называли просто Петрович, и двое агентов, вызванных из Калинина: рыжий Костя Маслов и флегматичный Слава Елагин.

Калининских агентов Опалин привлек, потому что по плану часть группы должна была действовать совершенно открыто, но ни в коем случае не возбуждая подозрений. Имелась информация, что в сером доме Храповицкий может заниматься вербовкой новых членов банды. Если бы кто-то из московских уголовников увидел поблизости знакомые лица муровцев, вся операция провалилась бы. Именно поэтому Опалин пригласил двух человек из Калинина (ранее этот город был известен как Тверь). Когда-то Ивану пришлось расследовать там одно дело, и он считал Маслова и Елагина серьезными людьми, вполне достойными доверия.

Главным наблюдательным пунктом был выбран давно закрытый магазин, который для отвода глаз начали переоборудовать в булочную. Опалин рассчитал так: когда поблизости совершенно открыто идет ремонт, туда-сюда ездят машины и ходят рабочие, даже самый подозрительный человек не станет обращать на них внимания. Второй наблюдательный пункт удалось устроить в комнате соседнего дома, временно вселив туда Филимонова. По ходу дела пришлось привлечь и сестру Казачинского Лизу, выдававшую себя за дочь Терентия Ивановича, а загримированный Иван изображал ее пьяницу-мужа, постоянно болтаясь во дворе и примечая все, что только можно. И вот, когда все члены банды наконец собрались, когда Маслов, Елагин и Казачинский с оружием наготове затаились в булочной, когда Петрович и Антон спрятались за домом бандитов, чтобы не дать никому уйти, когда Филимонов из своего укрытия в бинокль наблюдал за происходящим в «хазе», а Лиза носила эти сведения Ивану, изображавшему во дворе потерявшего берега пропойцу, – тут-то, как назло, и появилась припозднившаяся гражданка Морозова и по всем законам подлости чуть не оказалась меж двух огней.

«К счастью, все окончилось хорошо, – думал возвращавшийся на Петровку Костя Маслов, – хоть и не для всех». Он вспомнил убитых бандитов, но не почувствовал даже тени жалости. С непривычки Костя заблудился среди московских улиц, и только сделав приличный крюк, вышел к приземистому желтому зданию, в котором, несмотря на поздний час, светились несколько окон.

– Храповицкий еще на допросе? – спросил Костя у дежурного.

– Уже увели, – ответил тот.

– А Иван Григорыч у себя?

Хотя в глаза Опалина обычно называли по-простому – Ваней, но там, где имели место официальные отношения или присутствовали третьи лица, предпочитали звать по имени-отчеству.

– Да он даже ночует в кабинете, – усмехнулся дежурный. – Домой почти не ходит.

Опалин и впрямь находился в своем кабинете, расположенном в самом конце коридора. Иван откинулся на спинку стула, заложив руки за затылок, и рассеянно глядел на лежащие на столе бумаги. За соседним столом (в кабинете их было два, поставленных под прямым углом) примостился худощавый седоватый Петрович и великолепным каллиграфическим почерком заполнял очередной протокол, изредка сверяясь с черновиком, испещренным каракулями Ивана. В управлении Петрович был, впрочем, знаменит не только образцовым почерком – на зависть более молодым коллегам, но и нелюбовью к своему дореволюционному имени Карп. Петрович то и дело интересовался у коллег, начальства, да и вообще у всех, кто соглашался его слушать, не лучше ли сменить пахнущее рыбой имя на какое-нибудь более приличное, например Карл. Впрочем, хотя это имя и напоминало о Марксе, чем-то оно Петровича тоже не устраивало, и он неизменно начинал перебирать все более-менее известные имена, но не знал, на каком из них остановиться. В итоге время шло, а Петрович никак не мог определиться, как же ему в конце концов называться. Товарищи знали о его слабости и подшучивали над ней, но беззлобно, потому что в этом кругу все знали друг другу цену и знали, что на Петровича можно положиться. Звезд он с неба не хватал, но исполнитель был точный и надежный – не говоря уже о том, что ему можно было поручить заполнение любого количества любых документов.

– Я проверил девушку, – сообщил Костя, опускаясь на стул. В кабинете имелось два свободных стула: один – для подследственных, другой – для своих, и хотя внешне стулья ничем не отличались, сотрудники все же предпочитали их не путать. Костя же, очевидно, так устал, что забыл о неписаном правиле и приземлился на стул, на котором до него сидел Храповицкий.

– Ничего подозрительного, – продолжал Костя. – Действительно Нина Морозова. Живет с родителями...

По лицу Опалина он понял – тот ни в чем Нину даже не подозревал, и немного рассердился. Ваня, конечно, человек хороший, но какого черта делать из него, Кости, провожатого глупой девицы, чуть не испортившей все дело?

– Храповицкий уже дал показания? – спросил Маслов, меняя тему.

– Угу.

Костя насторожился: интонация Опалина ему инстинктивно не понравилась.

– От всего отпирается?

– Нет. Но врет.

Петрович, как раз начавший новую страницу, желчно усмехнулся.

– Брата своего выгораживает, – пояснил он. – Не хочет, чтобы того расстреляли.

– То есть?

– Убийство кассирши и клиента банка в Ростове Храповицкий взял на себя, – сказал Опалин. – Хотя, по показаниям свидетелей, это Веник их застрелил.

Он расцепил пальцы и положил руки на стол. Черты лица у Опалина были крупные, четко вылепленные, лоб – высокий, глаза – карие с прозеленью, брови – ломаные. Клетчатая рубашка и обыкновенный серый костюм сидели так, словно их сшили именно для него и ни для кого другого. На левой руке красовались часы с именной гравировкой. Часы, сами по себе вроде бы ничем не примечательные, наполняли сердца коллег сложной смесью зависти и уважения, потому что все муровцы отлично знали, по какому случаю Опалин их получил и что стояло за подчеркнuto сухой, выгравированной надписью.

– Но ведь он не сможет убедить суд, будто Веник тут ни при чем? – сердито спросил Костя. – Они же все на «вышку» наработали. Сволочи.

– Показания Храповицкого против показаний свидетелей, – пробурчал опытный Петрович, не отрывая взгляда от бумаги. – Тут еще такой нюанс – Веник парень молодой, могут и проявить гуманность.

– Какая там еще гуманность, – злобно выпалил Костя, – они же сначала прохожих по ночам убивали и грабили. Несчастную бабу какую-то убили, а у нее при себе только сорок копеек было...

Опалин промолчал. Он мог сказать, что провел только первый допрос, что все до чертиков устали, что главная схватка еще впереди...

Хотя, если Храповицкий будет стоять на своем, а братец его не расколется...

– А где Веник? – спросил Костя.

– Его Антон допрашивает. И Юра тоже.

Антон Завалинка, отчаянно курносый, рискованный парень, был незаменим, когда требовалось кого-то арестовывать или взять с поличным, но допросы удавались ему плохо. Костя понял, что Опалин поручил Веника Антону, так сказать, в качестве практики, а более опытный Юра подстраховывает своего горячего коллегу.

– Слабо Антону расколоть Веника, – возмутился Костя, поднимаясь с места. – Молодой! – Он неприязненно сузил глаза, повторив недавнее словечко Петровича. – За сорок копеек живую душу... – Маслов не договорил, безнадежно махнул рукой. – Ладно, я пойду, чего попусту лясы точить...

– Тебе бы отоспаться хорошенько, – посоветовал Петрович, бросив быстрый взгляд на Костино бледное, напряженное лицо. – Харулин еще не уехал, скажи ему, чтобы подбросил до гостиницы...

– Да нет, все нормально, – вяло отозвался Костя, поправляя кепку. – Пока.

И вышел, хлопнув дверью.

Зазвонил телефон. Опалин снял трубку.

– Иван Григорьевич, – голос дежурного казался немного смущенным, – не побеспокоил? Я забыл сказать, следователь Соколов звонил, спрашивал вас.

– Когда?

На другом конце провода зашелестели бумажки.

– Днем в 16.17. Я должен был сразу вам сказать...

– Ладно, я все равно поздно вернулся. Соколов что-нибудь передавал?

– Да. Он теперь вместо Фриновского.

– Больше ничего?

– Ничего.

16.17. Красивое сочетание. Почти как 17.17.

– Ладно, отбой, – распорядился Опалин, вешая трубку.

И тут они с Петровичем услышали сухой треск выстрела. Звук донесся из коридора и разом пробудил в душах оперов самые скверные предчувствия. Коротко ругнувшись, Опалин схватил свой ТТ и бросился за дверь. За ним последовал чуть замешкавшийся Петрович.

Бегом миновав коридор, они оказались около лестницы, ведущей на первый этаж. На верхней ступеньке лицом вниз лежал человек, и кровь вытекала из-под копны его волос. Рядом, опустив руку с оружием, стоял Костя Маслов.

– Он пытался убежать, – сказал Костя Опалину.

Иван, поглядев на лицо Кости, прочитал всё: упрямство, убежденность в собственной правоте, но самое главное, в глубине под всем этим – нечто зыбкое и пока не имеющее названия, но глубоко Опалина возмущившее. Вокруг тем временем собрались люди: Юра, ошеломленный Антон, Елагин, не изменивший своей обычной флегматичности, и кто-то из конвойных.

– Наповал, – констатировал Петрович, убирая оружие и для проформы проверяя пульс.

Как выяснилось из сбивчивого рассказа Юры и Антона, Костя заглянул к ним в кабинет, когда допрос Веника был закончен, и, поскольку конвойный где-то задержался, предложил лично доставить молодого бандита во внутреннюю тюрьму. Веник, который весь допрос говорил на языке блатных, испытывая терпение оперов, и тут ухитрился отпустить какую-то рискованную шутку, на которую Костя не ответил. Маслов вывел задержанного в коридор, а через несколько секунд грянул выстрел.

– Ваня, я же говорю тебе: он бежать хотел! – воскликнул Костя с фальшивым жаром, окончательно подтвердившим подозрения Опалина.

– Свидетели есть? Которые видели, как он бежал?

Свидетелей не было. Впрочем, Маслов тут же заметил, что при свидетелях Веник вряд ли осмелился бы совершить попытку бегства.

– Кто должен был конвоировать задержанного? – напустился Иван на здоровяка конвойного. Тот молчал и только таращил глаза. Ссылаться при всех на усталость, на позднюю ночь, на недавнюю ссору с тещей, вымотавшую конвойного сильнее общения с любым бандитом... наверное, в других обстоятельствах любой мог бы войти в положение проштрафившегося, но сейчас его все равно не станут слушать. И уж точно не станет Ваня Опалин.

Увидев выражение лица Елагина, стоявшего чуть позади коллег, Иван понял: убийство Веника вовсе не стало для него сюрпризом.

– А ты-то что тут делаешь? – рассердился Опалин. – Я же отпустил тебя давно...

– Да я... ничего, – пробормотал Елагин, – сел в кабинете и заснул на стуле...

На звук выстрела прибежал снизу дежурный, появились еще конвойные и несколько оперов из других отделений, работавшие даже в этот поздний час. Костя, спрятав оружие, повторил рассказ о том, как Веник пытался бежать и как он был вынужден открыть огонь. Слушатели смотрели на него, на перекошенное лицо Ивана, и не знали, кому верить. Кровь, лившаяся из простреленной головы Веника, с верхней ступеньки тонкой струйкой переползла уже на вторую.

– Вызови Спиридонова и Горюнова, – велел Опалин дежурному, – тут для них работа. – Он дернул ртом. Спиридонов был фотограф, а Горюнов – эксперт, и они только закончили осмотр логова бандитов. – Когда закончат, труп – в морг и скажите, чтобы вскрытие делал доктор Бергман. Вы, – повернулся Иван к конвойным, – пока будете охранять место преступления. Юра, Антон, Костя – со мной. Слава, ты тоже!

Петрович увязался за коллегами, хотя Опалин его вроде бы не приглашал. Впрочем, у Петровича имелось веское оправдание – он должен был дописать бумагу, брошенную на полу-слове, когда раздался выстрел.

В кабинете Иван прошел за свой стол и оперся на него ладонью, собираясь с мыслями. Петрович молча проследовал на свое место и сел. Высокий статный Юра, курносый крепыш Антон и казавшийся спокойным Костя остановились в центре комнаты. Елагин благоразумно предпочел замешкаться у дверей.

– Я все-таки хочу услышать объяснение, – сказал Опалин не то чтобы громко и даже не то чтобы угрожающе, но остальные – взрослые, много повидавшие в жизни люди – почувствовали неловкость, словно нашкодившие школьники.

– Я уже говорил – он пытался бежать, – упрямо повторил Костя, и его ноздри дернулись.

– Ты не должен был его конвоировать, – отчеканил Опалин. – Что ты мне тут ваньку валяешь? Я тебя русским языком спрашиваю: за что ты его убил?

– Ни за что. Он хотел бежать.

– Из здания МУРа?

– Ну, а откуда же еще?

– Интересно, – процедил Опалин сквозь зубы и сел. – Ладно, давай по порядку. Вы вышли из кабинета, что было дальше?

– Он сделал несколько шагов и вдруг бросился бежать. Я закричал: «Стой! Стрелять буду!» Ну, или что-то вроде того... Вы же помните, какой он шустрый, – добавил Костя, обращаясь преимущественно к Антону, Юре и Петровичу, вроде бы полностью погрузившемуся в свои бумаги. – Чуть не удрал, еще когда мы банду брали... Ну, я и выстрелил.

– Ничего ты не кричал, – спокойно проговорил Петрович, не поднимая головы. – Мы с Ваней сидели здесь и все слышали. Ничего не было, кроме выстрела.

– Так у вас кабинет в конце коридора, – пробормотал Костя. – Вы могли и не услышать...

– У Петровича со слухом все в порядке, как и у меня, – отрезал Опалин. – Антон! Юра! Вы слышали, как Костя что-нибудь кричал в коридоре?

– Нет, – ответил Юра.

– Нет, – эхом отозвался Антон.

– Ты в спину его застрелил, – с ожесточением проговорил Опалин, обращаясь к Косте. Зеленоватые глаза Ивана метали молнии. Строго говоря, Веник был застрелен не в спину, а в голову, но все поняли, что именно Опалин хотел сказать. – За что? – Маслов молчал. – Ведь ты и тогда, когда мы банду брали, боялся, как бы он не ушел. Что он тебе сделал?

– Ничего, – ответил Костя тяжелым голосом.

– Оружие отдай. – Опалин протянул руку.

Костя вынул из кармана пистолет и, с вызовом глянув в лицо Опалину, со стуком припечатал оружие к столу.

– Бери. Что дальше, Иван Григорьевич? Может, к уголовникам меня посадишь? Чтобы они меня пришили? Я честный опер. Нет на мне невинной крови, ясно? Веник пытался бежать, при попытке к бегству я его застрелил. Все!

– Ты плохо знаешь доктора Бергмана, – усмехнулся Опалин. – Он все установит: и что убитый делал в момент выстрела, и где находился ты сам, и был ли выстрел произведен в упор. – Костя дернулся, и Иван окончательно убедился в собственной правоте. – Ты не просто так вызвался его конвоировать, ты убить его хотел. Но так нельзя!

– Почему? Нет, Иван Григорьевич, я серьезно спрашиваю. Почему нельзя убить гада, который сам убивал людей? – По голосу чувствовалось, что Костя всерьез завелся. – Он все равно не заслуживал жизни! Он заслуживал только одного – сдохнуть!

– Да, но не так! Мы не должны вести себя, как они! Мы, черт возьми, закон охраняем и не убиваем в спину, исподтишка! А вот так, сводить счета – это «ежовщина», Костя! И не притворяйся, будто ты этого не понимаешь!

– Не было у меня с ним никаких счетов, – ответил Костя почти с ненавистью. – Я убил гада, который пытался сбежать!

– Слава, – неожиданно спросил Опалин, – ты ничего мне не хочешь сказать?

– Меня там вообще не было, – пробормотал Елагин, пряча глаза. – Я на стуле прикорнул...

– Объяснительную напишешь, – бросил Опалин Косте. – Со всеми подробностями. Понял?

– Хорошо, – вяло отозвался Маслов.

– И вы тоже, – повернулся Иван к Юре и Антону. – Свободны!

Елагин ушел первым, за ним, не прощаясь, вышел Костя. Маслов слегка приволакивал ноги, как смертельно уставший человек, и руки держал в карманах, но глаза его из-под козырька кепки горели странным, торжествующим огнем.

– Вань, это я виноват... – начал Юра. Он смутно догадывался, что именно произошло, и, зная запальчивость и принципиальность Опалина, инстинктивно искал способ его смягчить. – Я ему разрешил сопровождать Веника...

– У Веника имя было, – неприятным голосом напомнил Иван, растирая переносицу. Почему-то использование всем известного прозвища сейчас показалось ему особенно неуместным.

– Да его бы все равно расстреляли – не сейчас, так через полгода, – рассудительно заметил Юра.

– После суда, – больным голосом ответил Опалин. – А не самосуда, черт побери!

Антон колебался. С одной стороны, Юра был недалек от истины, когда утверждал, что убитый бандит вовсе не являлся божьим одуванчиком. А с другой – Антон привык смотреть на Опалина немного снизу вверх, как на бесспорного лидера. Если вдуматься, то Иван все же прав – есть грань, которую нельзя переходить...

– Послушай, допусти на минуту, что Веника этого убили бы на пару часов раньше, в перестрелке, – продолжал Юра. – Ты бы и тогда ругался?

– Ты Костю пытаешься выгородить или себя? – Опалин в свойственной ему манере поставил вопрос ребром.

– Я никого не выгораживаю, – уже сердито ответил Юра. – Но я не понимаю, почему мы должны ссориться из-за какого-то... паршивого уголовника! И я, и Антон почти месяц работали с Елагиным. Он хороший парень! Не знаю, почему он убил Веника, но уверен, без причины он бы так не поступил...

– Объяснительные должны быть у меня на столе не позже двенадцати ноль-ноль, – сказал Опалин после паузы. Он поглядел на часы. – Пятый час утра... Ладно, ребята, по домам. На сегодня точно хватит.

Когда за Антоном и Юрой закрылась дверь, Опалин, хмурясь, несколько мгновений размышлял. Потом достал ключ, отпер дверцу сейфа и вынул объемное досье. Листы, втиснутые в папку, которую даже взрослому мужчине было непросто удержать на весу, казалось, вот-вот вырвутся на волю. В папке были материалы по банде Храповицкого.

– Петрович, – буркнул Опалин, листая страницы. – Оставь бумаги. Завтра продолжишь...

– Его ведь могут турнуть, – негромко заметил Петрович, аккуратно складывая исписанные листы. – За превышение полномочий. А если всерьез прицепятся, вообще может сесть... Ты дашь делу ход?

– Доложу Николаю Леонтьевичу, – ответил Иван хмуро, – пусть он решает. – Опалин откинулся на спинку стула, и по блеску его глаз Петрович понял, что отгадку Иван уже нашел. – Кассирша, которую Веник убил в Ростове, была рыжей.

Петрович ничего не сказал. Он ждал.

– Вот ведь незадача, – продолжал Опалин, ероша волосы, – она два раза замужем была, и вместо девичьей тут указана фамилия по первому мужу. По возрасту получается на десять лет старше Кости. Помню, он рассказывал, как вся их семья погибла в Гражданскую, а сам он не пропал только благодаря старшей сестре. Надо было мне раньше догадаться, что это дело для него – не просто работа, а личное.

Петрович поднялся с места и положил исписанные бумаги на стол Опалина.

– Если тебя интересует мое мнение, – негромко сказал Логинов, – он был в своем праве.

– Убить беззащитного человека?

– Ты, Ваня, не сердись, – усмехнулся Петрович, – но есть в тебе эта черта – излишняя принципиальность. Ты за принципами не видишь конкретики. А конкретика такая – Костя Маслов не беззащитную старушку пришил, а мерзавца, убившего его сестру. Единственного близкого человека, который у него оставался. Ты хочешь его осуждать? Пожалуйста, Ваня, но – без меня.

– Но если так рассуждать...

– Нет, рассуждать надо совсем просто, – перебил его Петрович. – Спроси у своей совести: лучше стал мир без Веника или хуже? А я, пожалуй, домой. Эх, влетит мне опять от моей Егоровны за позднее возвращение... Ну, до завтра... то есть до сегодня, Ваня. Будь здоров.

И вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Опалин некоторое время смотрел вслед, потом, пробурчав нечто невнятное, спрятал все документы в сейф, запер входную дверь и прошел за большой шкаф, который как будто стоял у стены, но на самом деле закрывал от посторонних взоров крошечный проход в небольшую нишу, в которую можно было протиснуться только боком. В нише стояла узкая старая тахта и стул, очевидно, замещавший стол, для которого тут не нашлось места. Над стулом висел осколок зеркала, а на сиденье были разложены бритвенные принадлежности, зубная щетка, зубной порошок, алюминиевая мыльница с обмылком, расческа и кувшин с водой. Умывался Опалин над тазом, стоявшим в углу. Полотенце, за неимением крючка, было переброшено через спинку стула. Будильника не было – вместо него утром Опалину звонил по телефону дежурный. Раздевшись, Иван устроился на тахте, натянул на себя одеяло и провалился в сон.

Глава 5. Утром

Примем за аксиому: без жилища человек существовать не может.
М. Булгаков, «Москва 20-х годов»

Утром Иван проснулся за несколько минут до звонка дежурного. Первая мысль была – Соколов. Вторая явилась картинкой, в виде нелепо лежащего человека с простреленной головой, кровь из которой текла на ступени лестницы.

«Ах, Костя, Костя, черт тебя дери...»

Опалин страдальчески поморщился, заворочался на постели, приподнялся и сел. Новый день вступал в свои права. Затрещал телефон. Иван привычным движением сунул ноги в ботинки и прошел в кабинет, к аппарату.

– Опалин слушает.

– Вы просили позвонить, Иван Григорьевич...

– От Бергмана не было вестей?

– Он только приехал на работу. Я ему передал вашу просьбу.

– Хорошо, спасибо.

Он повесил трубку. Позвонить Горюнову сейчас или сначала одеться и привести себя в порядок? И потом, неудобно получается – вчера эксперт и фотограф полночи работали, потом Иван их отпустил, велел отдыхать, тотчас же выдернул обратно, уже из-за Веника, и теперь опять будет дергать, когда им банально надо выспаться. Пока он так размышлял, телефон зазвонил снова.

– Твердовский. – Хотя Николая Леонтьевича все и так узнавали по глуховатому, лишенному эмоций голосу, он всегда представлялся. – Как ты, Ваня? Мне вчера доложили, что у тебя стряслось.

По интонации, как обычно бесстрастной, было невозможно понять, как начальник относится к случившемуся. Впрочем, и Иван был не из тех подчиненных, которые ловят нюансы голосов вышестоящих.

– Это моя вина, – сказал он с досадой. – Костя... оперуполномоченный Маслов оказался связан с одной из жертв, а я проморгал это обстоятельство.

– Но банду-то взяли?

– Да.

– Что ж, хорошо, – заключил Николай Леонтьевич. – Жду тебя через двадцать пять минут.

– У меня еще нет протокола вскрытия Веника... то есть Анатолия Храповицкого.

– Неважно. Приходи.

В трубке загудели гудки. Опалин положил ее на рычаг и провел рукой по лицу, собираясь с мыслями. В окно глядел весенний день, хмурившийся, впрочем, совсем по-осеннему. Низко висели облака, по асфальту шаркали шинами пролетающие по Петровке машины. Соколов уже вернулся из Ленинграда, и теперь он вместо Фриновского. Если следователь вчера позвонил, значит, исполнил просьбу Опалина. Значит, у него что-то есть. Но что?

Иван вернулся в тайную нишу за шкафом, чтобы привести себя в порядок и одеться. После всех манипуляций с бритвой, мылом, водой и полотенцем в зеркале отразился гражданин, о котором нипочем нельзя было сказать, что он ночует на рабочем месте. Немного повеселев, Опалин мысленно срифмовал: «Если рожа не побрита, то похож ты на бандита» и стал одеваться.

«Успею позавтракать или нет? Успею, наверное...»

И спустился в расположенную на первом этаже столовую для сотрудников, пока еще закрытую. Однако Опалин, судя по всему, обладал даром проникать сквозь закрытые двери и особым образом влиять на людей, потому что для него немедленно соорудили омлет и принесли крепчайший дымящийся кофе.

В кабинет Твердовского Иван явился минута в минуту. Николай Леонтьевич, широкоплечий, приземистый брюнет с мясистым лицом, поднялся из-за стола навстречу Опалину и пожал ему руку. Сев, Иван начал рассказывать о вчерашней операции. Он перечислил фамилии убитых бандитов и раненного в перестрелке, не забыл упомянуть о появлении Нины, чуть было не спутавшем все карты, а затем перешел к обстоятельствам гибели Веника.

– По-твоему, Маслов хладнокровно его убил? – спросил Николай Леонтьевич. Сцепив пальцы на столе, он внимательно слушал своего подчиненного.

– Я пошлю дополнительный запрос в Ростов, – ответил Опалин. – Но я почти уверен, что прав. Убитая кассирша была сестрой Маслова. И он явно занервничал, когда понял, что Веник может легко отделаться...

Николай Леонтьевич вздохнул. Портрет Сталина, висящий над его головой, хмуро смотрел куда-то в угол.

– Ладно, все это, в конце концов, детали, – веско и как всегда рассудительно заговорил Твердовский. – Главное сделано: Храповицкий задержан, советские граждане могут спать спокойно. – Последняя фраза была произнесена без малейшего намека на иронию. К своей работе Николай Леонтьевич относился слишком серьезно, чтобы иронизировать. – Если комсомолка вздумает на тебя жаловаться, я тебя прикрою. – Опалин почему-то был уверен, что Нине и в голову это не придет, но он предпочел промолчать. – Дома-то у тебя как?

Разговор приобрел неожиданный поворот – Николай Леонтьевич был из тех людей, которые уважают чужое личное пространство. Опалин ответил уклончиво:

– А что у меня? Все как прежде. Не женат, не собираюсь...

– Да я не о том, – с расстановкой ответил Твердовский, глядя ему в лицо. – Почему ты на работе ночуешь?

Опалин откинулся на спинку стула.

– Потому что...

– Сложности с соседями?

– Да опротивели они мне, – решил Иван. – Один музицирует с утра до ночи, другая то скандалит с дочерью, то колотит ее...

– Ну, это плохо, – проворчал Николай Леонтьевич, нахмурившись. – Но неужели ты...

– А как на нее повлиять? Участкового она не боится. Дочь перед посторонними отрицает, что ее бьют. Мать – простая работница, на нее у нас ничего нет. И что тут можно сделать?

– Удивляюсь я тебе, Ваня, – задумчиво уронил Твердовский, по привычке скребя подбородок. – По-хорошему удивляюсь, не подумай ничего такого. Ты что же, даже домой теперь не ходишь?

– Почему? Захожу туда два-три раза в неделю.

– Не дело это, Ваня. – Николай Леонтьевич досадливо поморщился. – У человека должен быть свой угол... а, да о чем я говорю! Ладно, завтра я жду от тебя подробного отчета по младшему Храповицкому – и по допросам членов банды, само собой. Тогда же и решим, что делать с калининским стрелком.

Опалин покинул кабинет, чувствуя недовольство собой. Он не любил врать своим – а Николай Леонтьевич был свой, не просто начальник, но и человек, которого он уважал. Причина, по которой Иван практически переселился на работу, заключалась вовсе не в старом соседе, игравшем на дребезжащей, как трамвай, скрипке, и даже не в скандальной соседке Зинке. Рассказывая о ней Твердовскому, Иван многого не договорил. Разлад между разбитой симпатичной Зинкой и ее дочерью Олькой возник, когда последняя, вбив себе в голову,

что мать не должна снова выходить замуж, начала отваживать ее поклонников. Милая девочка подсыпала им в еду в больших количествах соль, воровала деньги и всячески пакостила. Зинка, надо отдать ей должное, сначала пробовала договориться с дочерью по-хорошему, но потом потеряла терпение и на каждую новую проделку стала отвечать трепкой. Разумеется, рукоприкладство не решило проблему, а только усугубило ее. Любой разговор между матерью и дочерью отныне заканчивался скандалом. Иван пытался образумить и Зинку, и дочь, и добился только того, что обе они по отдельности обрушили на него шквал жалоб друг на друга.

...А потом вдруг понял, как его все невыносимо раздражает: и Зинка с ее неумными поисками женского счастья, и дочь с мелкими подлостями исподтишка, и скрипка соседа, и шаги в комнате за стеной, и бормотание радио, и лица, которые он видел, и разговоры, которые должен был поддерживать. Опалин почувствовал, что ненавидит шипящие по-змеиному примусы на кухне, ненавидит белье, сохнувшее на веревках в коридоре, которое всегда вешали так, что оно задевало его по лицу, и ощущение было такое, будто до тебя дотронулись сырой рыбой. И себя самого, из-за того, что приходилось мириться с этими людьми, от которых некуда было деться, Иван тоже стал ненавидеть.

Все это началось после того, как Маша ушла – точнее, после того, как он понял: ни одна женщина на свете не сможет занять ее место. Иван пробовал забыться в работе, в алкоголе, в сочетании того и другого – бесполезно. Ничто не действовало, а раздражение против окружающего мира только нарастало. Обычный человек в таких условиях имел бы все шансы кончить нервным срывом. Но у Опалина было оружие, и он стал бояться, что однажды не выдержит и убьет кого-нибудь, не важно, кого – того, кто в критический момент просто попадет под горячую руку. Мало, что ли, он в свое время расследовал подобных убийств?

И, в свойственной ему манере «рубить с плеча», решил проблему кардинально. Он свел к минимуму свое пребывание в коммуналке, фактически перебравшись жить на работу. В конце концов Николай Леонтьевич был совершенно прав – у каждого человека должен быть свой угол. Этот угол, приложив кое-какие усилия, Опалин и обустроил себе за громоздким старинным шкафом, который стоял еще в общем кабинете первой бригады в Гнездиновском переулке и неведомыми путями перебрался вслед за угрозой на Петровку. Шкаф хранил кое-какие материалы дореволюционного полицейского архива, сильно пострадавшего во время революции, и иногда, когда выдавалась свободная минута, Опалин доставал какую-нибудь папку с бумагами, написанными по старой орфографии, и перелистывал пожелтевшие страницы. Находясь в знакомой стихии, он испытывал чувство, близкое к умиротворению. Радио у соседей не орало и не изрыгало марши, никто не шаркал ногами за стеной и не пиликал на мерзкой скрипке, Зинка не лезла в дверь без стука и вообще никто ему не мешал. Конечно, душ у себя в кабинете не примешь, но всегда можно сходить в баню, чтобы помыться, или заскочить для этого домой. Дома он также переедывался и устраивал редкую стирку.

Сейчас, впрочем, мысли Опалина были далеки от дома. Он связался по телефону с коллегами в Ростове и попросил уточнить девичью фамилию убитой кассирши, после чего набрал номер следователя Фриновского. Соколов ответил не сразу, но, услышав в трубке его голос, Иван убедился, что дежурный сказал правду: его приятель действительно сменил Фриновского.

– Успеешь до часу – приходи, – сказал Соколов.

– Уже иду, – сообщил Опалин лаконично.

Глава 6. Соколов

*Папиросы, цена за десяток. Высший сорт № 1: «Герцеговина Флор», «Особенные» – 2 руб. 50 коп. Высший сорт № 2: «Ява», «Эсмеральда» – 1 руб. 80 коп. Высший сорт № 3: «Борцы», «Казбек», «Дерби» – 1 руб. 27 коп., «Наша марка», «Прима» – 1 руб. 10 коп. Высший сорт № 4: «Пушки», «Садко», «Марка» – 90 коп.
Прейскурант 1937 г.*

Как известно всем заинтересованным лицам (кроме некоторых авторов детективных романов), в МУРе работают оперуполномоченные, а следователи трудятся в прокуратуре. И те, и другие занимаются раскрытием преступлений. И те, и другие традиционно считают, что играют в расследовании главную роль. Сыщики добывают информацию и ловят подозреваемых, следователи направляют уже оформленное по всем правилам дело в суд. В действительности всё, разумеется, значительно сложнее: многое зависит не только от нюансов конкретного дела и действующих на тот момент законов, но и от способности следователя и работников милиции – в том числе угрозыска – взаимодействовать друг с другом.

На своем веку Опалин перевидал немало следователей и научился для пользы дела находить контакт и со случайными людьми в этой профессии, и с честлюбивыми карьеристами, и со старыми служащими, смотревшими на него со скептической улыбкой, и вообще с кем угодно, но следователей как класс он не слишком жаловал. Следователи не сидели в засадах, не рисковали жизнью, отыскивая особо опасных преступников, и по большей части предпочитали давать указания, отсиживаться в кабинетах и работать строго по графику. Кроме того, прокуратура уже несколько лет делала упор на политику, и в январе 1938-го даже вышло постановление, предписывавшее следователям заниматься в первую очередь преступлениями «контрреволюционными и особо опасными против порядка управления». У всех на устах были нарком Ежов и выражение «ежовые рукавицы». И пока муровские сыщики ловили убийц и грабителей, то есть боролись с реальной преступностью, их коллеги из прокуратуры нередко занимались тем, что раскрывали несуществующие заговоры, а в число заговорщиков по своему разумению включали всех, кто хоть чем-то в предыдущие годы проявил свою оппозиционность. А потому Опалин особенно стал ценить следователей, сумевших остаться людьми, несмотря на обстоятельства и соблазн легко сделать карьеру, взобравшись наверх в прямом смысле слова по трупам.

Если верить словам «Интернационала», который тогда был гимном СССР, кто был ничем, тот может стать всем – но об обратной дороге песня умалчивала. В 1938-м Ежов был смещен со своего поста, а потом отдан под суд. Начались пересмотры дел и аресты наиболее ретивых следователей, прозвучало даже слово «оттепель» (не в последний раз в российской истории). Из всего происходящего Опалин сделал свои выводы. С некоторыми коллегами он почти полностью прекратил общаться, однако следователь Александр Соколов в число таких людей не входил. Саше Опалин до некоторой степени доверял – до некоторой, потому что жизнь приучила его всегда оставлять маленькую лазейку для сомнений, чтобы не испытывать потом ненужных разочарований.

Когда Опалин вошел в кабинет, следователь сидел в облаке дыма и с выражением, которое Иван про себя определил как профессионально кислое, изучал бумаги. В пальцах правой руки дымилась очередная папироса. Массивная пепельница была до отказа забита окурками и обгоревшими спичками – Соколов был заядлый курильщик и не мыслил своей жизни без табака. На стене, как и в любом другом официальном учреждении, висел портрет Сталина, но

иной, чем в кабинете у Твердовского: тут Иосиф Виссарионович прямо и не слишком дружелюбно глядел на посетителя, переступающего порог.

Опалин пожал Соколову руку, отказался от предложенных папирос, сел на унылый казенный стул и обменялся со следователем несколькими общими фразами. Александр был шатен тридцати пяти лет от роду с простоватым лицом, которое любой, кто с ним сталкивался, волен был счесть попросту глупым. Это обстоятельство, да еще манера рассеянно слушать собеседника, полуприкрыв веками серо-голубые глаза, наводили на размышления о том, что Соколов – следователь так себе и вообще находится не на своем месте. Однако Опалин затруднялся даже представить, скольких преступников Александр сумел таким образом вывести на чистую воду. По характеру следователь был въедлив, ироничен и склонен каждый факт подвергать сомнению. Это помогало в работе, но мешало в дружбе. Впрочем, Опалин ценил Александра не за характер, а за то, что тот не изобретал для карьерного роста несуществующих контрреволюционных заговоров и не применял к обвиняемым силовые методы. Недавно Соколов занимался расследованием одного крупного мошенничества, из-за которого ему пришлось даже съездить в Ленинград. Узнав об этом, Опалин попросил следователя в качестве одолжения разузнать кое-что для него лично. Соколов выслушал, задал несколько вопросов и сказал, что обещать ничего не станет, но при случае – постарается. И вот он вернулся, судя по всему – с кое-какими сведениями, но почему же Опалину так непросто завести речь о главном?

– Ты бы окно открыл, – сказал он, глядя на облако дыма, колыхавшееся вокруг Соколова. – А Фриновского перевели?

– Угу. – Александр сделал неопределенный жест рукой с папиросой. – Он на взятке погорел.

– Я думал, он не дурак, – вырвалось у Опалина. Фриновского он помнил хорошо: обходительный, улыбчивый – так и хочется сказать – господин, всегда стремившийся подружиться с лучшими сыщиками, поручить им максимум работы, а в итоге заграбастать себе все награды за успешное раскрытие дела. Людям, которых он использовал, Фриновский льстил тонко, без подобострастия, знал по имени-отчеству всех начальников, а также их жен, и вообще был вхож всюду, где чуял для себя хоть малейшую выгоду. За руку его никто никогда не поймал, но муровцы давно раскусили все его приемы и с интересом ждали, останется ли следователь «на коне» или пойдет эпохе на закуску. Честолюбивые планы Фриновского не ограничивались одной профессией следователя: уже он зацепился за кино, уже консультировал фильм – само собой, шпионский детектив – по мотивам одного из своих дел, и тут...

– Так он натурой брал, – хмыкнул Соколов. – Допустим, у подозреваемого жена красивая, или любовница, или дочь. Чем не повод оказать человеку снисхождение? Виноват, но со смягчающими обстоятельствами, или там состояние аффекта, или еще что-нибудь. Ну, так вот, приглянулась Фриновскому одна гражданка, девятнадцати лет от роду, происхождения, прямо скажем, не слишком пролетарского, да еще и папаша ее по делу проходил. Он и стал подбираться: дескать, только от меня зависит, посадят отца или нет, но я-то человек незлой, мне только немного женской ласки надо, и я так все оформлю, что никто папу вашего не тронет...

– А дальше? – спросил Опалин терпеливо, хотя история Фриновского уже была ему в общих чертах известна из слухов, долетевших и до угрозыска.

– А дальше – самое интересное. Фриновский точно знал, что за гражданку и ее отца заступаться никто не станет, а если они вздумают жаловаться, всегда сможет заявить, мол, клевета, потому как товарищ он был осторожный и никаких улик не оставлял. Только рожа у него не та, чтобы вдохновить на любовь в девятнадцать лет, и данного факта уже ничем не исправить. Короче, посмотрела гражданка на его рожу хорошенько, и так ей стало тошно, что пошла она на людную улицу и бросилась под машину. Отделалась ушибами, но в машине ехал один профессор, и он захотел узнать, в чем дело. У профессора связи, он человек известный, вот все и завертелось. – Соколов яростно смял в пепельнице докуренную папиросу. – Словом, Фри-

новского взяли, а меня поставили перепроверить все его дела за последние годы. – Александр кивнул на стопку папок на краю стола. – Я тут на всякий случай запросил еще материалы за конец двадцатых. Вот ведь какая штука: во время НЭПа Фриновский вел дело одного жулика, который занял у государства миллионы, посулил «золотые горы», а деньги, само собой, украл.

– И Фриновский его отпустил?

– Нет, но так ловко вел расследование, что жулик успел сбежать за границу. И как интересно получилось: жулик смылся, а Фриновский через некоторое время почему-то стал жить в его квартире. Пять комнат, не считая мебели и прочего. И жена его стала часто по ювелирам ходить. Ты его жену видел? Если нет, то ничего не потерял – на нее вообще без слез не взглянешь...

Опалин почувствовал, что болтовня Соколова начинает его утомлять. Он досадливо шевельнулся на стуле, и следователь тотчас уловил и верно истолковал этот немой сигнал.

– Ладно, с Фриновским всё, – словно спохватился Соколов, поворачиваясь на стуле к массивному сейфу, стоявшему у стены. Звякнул ключ, протяжно запела отворяемая дверца. – Короче, навел я в Ленинграде справки о твоей знакомой гражданке. Арклина Мария Георгиевна, – нараспев проговорил следователь, – в тысяча девятьсот тридцать восьмом году по делам не проходила, не задерживалась, несчастных случаев с ее участием тоже не отмечено.

– Это я знаю, – хмуро ответил Опалин. – Я уже посылал запросы. Но я о другом тебя просил.

– Вот, пожалуйста. Неопознанные женские трупы по Ленинграду и области, женщины приблизительно двадцати восьми – тридцати лет, рост около ста шестидесяти восьми сантиметров, телосложение среднее.

И Соколов в два приема плюхнул на стол со стороны собеседника две объемистые пачки дел.

– Прошу, – иронически промолвил следователь, делая широкий жест. – Это все, более-менее подходящие под твое описание. Убийства и несчастные случаи. И так, для порядку: о том, что гражданка Арклина вообще пропадала, никто никому не сообщал.

– Я знаю.

– Только так: я, конечно, договорился на месте, но эти бумаги желательно не задерживать, я должен буду вернуть их обратно.

– Я сейчас же просмотрю, – ответил Опалин, хватаясь за самое верхнее дело в первой пачке. – Саша, – с запозданием добавил он, – с меня причитается.

– Ладно, – легко согласился Соколов. – Купишь мне папирос.

Оба рассмеялись. Следователь вернулся к изучению старых дел своего предшественника, а Опалин принялся просматривать материалы из папок. Черно-белые фотографии, иногда довольно мутные, так что приходилось напрячься, чтобы понять, что именно на них изображено. Протоколы, написанные самыми разными почерками. Убийство, убийство, несчастный случай. Смерть от удушения, от удара по голове. Множественные колотые раны. Жертва застрелена в упор. Попала под трамвай...

Не опознана. Труп принадлежит неизвестной. Нет документов. Тело не опознано. Не...

Можно ли вообще сказать «труп принадлежит»? Кому – человеку, которого больше нет? Земле? Впрочем, сейчас тела по большей части кремируют...

Наконец, Опалин закрыл последнее дело и молча положил его на стол. Соколов исподтишка наблюдал за ним поверх бумаг, которые просматривал. Он опасался, что если Ваня найдет то, что искал, его реакция может оказаться непредсказуемой. Но по лицу Опалина следователь понял все еще до того, как тот заговорил.

– Ее тут нет.

– Там несколько разложившихся до неузнаваемости, – негромко напомнил Соколов. – Уверен?..

– Уверен. Таких вещей она никогда не носила. Ну и разные детали не совпадают.

Следователь отложил бумаги. Помимо всего прочего, он чувствовал и профессиональный интерес, который даже не считал нужным скрывать.

– Расскажи мне еще раз, как именно она исчезла, – попросил Соколов.

– Села на вокзале в поезд до Ленинграда. Больше я ее не видел.

– Билет был до Ленинграда?

– Да.

– Ты ее провожал на вокзал?

– Нет, она мне запретила. Но я все равно проследил, ну... чтобы все было в порядке.

– Вещей она много с собой взяла?

– Один небольшой чемодан. Обычный, коричневый, с металлическими уголками.

– То есть уезжала ненадолго?

– Мы были вроде как в ссоре. Сказала мне, чтобы я ее не ждал.

– Зачем она ездила в Ленинград?

– Не знаю.

– Ты – и не знаешь? У нее был кто-то другой?

– Ты что, допрашиваешь меня? – рассердился Опалин.

Соколов не ответил и лишь взял из коробки новую папиросу. Невольно он поймал себя на мысли: если бы ему пришлось вдруг расследовать исчезновение гражданки Арклиной, первым, кого – как ни крути – пришлось бы проверять, неизбежно становился оперуполномоченный Опалин.

– А что говорят ее родные, друзья, окружение? – допытывался следователь. – Если она исчезла, они должны были заволноваться. И уже давно, – добавил он, пуская дым сквозь ноздри.

Опалин встал, прошел к окну и приоткрыл створку. Соколов следил за ним с острым любопытством.

– Я нашел тетку, у которой она жила, – сказал Опалин, возвращаясь на место. – Тетка клянется, что у Маши все хорошо, но...

– Что – но?

– Да ведет она себя как-то странно, – признался Иван. – Когда я попытался разузнать подробности – что, да как, да почему нет вестей – тетка расплакалась и стала божиться, мол, ничего не знает.

– Что ж ты ее не дожал? – уже сердито спросил Соколов. – Когда свидетель так себя ведет...

– Она не свидетель.

– По букве закона – нет. По факту – да. Скажи-ка мне вот что: твоя Маша случаем не латышка?

– Почему она должна быть латышкой?

– Потому что Арклин – латышская фамилия. Если, конечно, она настоящая, – добавил Соколов. – Ты ведь знаешь, немало народу сменило фамилии после революции, и не всегда законным путем да с публикацией о перемене в «Известиях». Арклина – это может быть и Карклина без первой буквы, а это уже дворянская фамилия⁴. Или какая-нибудь фон Аркле, например. Это так, только навскидку в голову приходит, а настоящая фамилия может быть любой, и совершенно необязательно связана с паспортной. – Опалин молчал. – Почему из всех ее родственников ты знаешь только какую-то тетку? Где родители, где братья и сестры? Кстати, где она родилась?

⁴ Соколов ошибся: Карклин – не дворянская фамилия, однако перемены имен после революции действительно имели место, причем по самым разным причинам.

– В Ленингр... тьфу, в Петербурге.

– Метрическую запись проверял? Не выписку, а сам оригинал в церковной книге?

– Как ты себе это представляешь? Я не могу без служебной надобности поехать в Ленинград. И отправить кого-то рыться в церковных книгах тоже не могу. Там нас вообще не очень любят – вон мне пришлось тебя просить, чтобы заполнить дела без проволочек...

Слишком много оправданий, и почти все «шиты белыми нитками», мысленно отметил Соколов. Но если такой профессионал, как Опалин, не проверил простейшие факты...

– Она из бывших? – спросил следователь напрямик.

– Говорила, что ее мать мастерила шляпки. Иностранные языки Маша знает, то есть образование получила.

– Где именно?

– Я не спрашивал.

– Тетка чем занимается?

– Ей за семьдесят. Чем можно заниматься в таком возрасте?

– Да хоть замуж выходить, – парировал Соколов, пуская дым, – советская власть не запрещает. – Он вздохнул и потер рукой лоб. – Ваня, давай рассуждать здраво. Некая особа уезжает в Ленинград с одним чемоданом и исчезает. У особы мутное... ну хорошо, невнятное прошлое и никаких родных, кроме тетки, которая плачет и не хочет говорить, где ее племянница. Вывод? – Соколов со значительным видом выставил указательный палец в сторону собеседника. – Поездка, чемодан, исчезновение... ну что ты мне голову морочишь, в самом деле? Граница совсем недалеко от Ленинграда, тридцать километров всего. Вот тебе и разгадка!

– Так ведь граница на замке, – усмехнулся Опалин.

– Ну да, вот только мы с тобой отлично знаем: нет такого замка, к которому нельзя подобрать отмычки, – хмыкнул следователь. – И границу нелегально пересекают, причем в обе стороны. Сбежала гражданка Арклина, потому ты и не можешь нигде ее найти. А один чемодан – это самое необходимое, чтобы унести с собой. И не говори мне, будто раньше ты об этом не думал.

Глава 7. Сережка

*Всем работникам органов следствия хорошо известно, что расследование убийств представляет значительные трудности.
«Расследование дел об убийствах. Пособие для следователей», 1938 г.*

– Я не знаю, что мне думать, – признался Опалин после паузы.

«Еще как знаешь», – подумал Соколов. Потому и стал наводить справки неофициально. Ситуация вообще, если присмотреться, очень даже подозрительная.

– Ваня, чудес не бывает, – сказал следователь. Он затушил папиросу, придвинул к себе дела, привезенные из бывшей столицы, и начал по одному убирать обратно в сейф. – Если человек исчез, должна быть причина. Среди убитых гражданки Арклиной нет, но ты сам знаешь – между убийством и обнаружением тела проходит иногда много лет. Некоторые трупы вообще никогда не находят. Если же она пыталась покинуть страну, тут тоже возможны варианты. Либо она перешла границу и сейчас жива-здоровая в каком-нибудь Париже, либо могла нарваться на проводника, который пообещал помочь, а потом убил ее, забрал вещи, а труп утопил в болоте. Ну и, наконец, третий вариант. Никто никого не убивал, не топил и прочее, а просто она уехала куда-то и не хочет, чтобы ты ее нашел. Кстати, а тетка не могла ее убить?

Опалин изумленно вытаращил глаза, а следователь Соколов был вынужден сделать неизбежный вывод: увлекшись своей загадочной красавицей, его друг утратил элементарные оперативные навыки.

– Она не покидала Москвы в то время, – сказал Иван. – Я о тетке, само собой.

– Но ее волнение в любом случае подозрительно. Может, врет тетка и из Ленинграда племянница успела вернуться? Приехала, поссорилась с тетушкой, та ее убила, а тебе твердит, не знаю, не приезжала и всё в таком духе.

Опалин испытывал сложную смесь досады, раздражения и подспудного желания уйти, оборвать этот ничемный разговор, который чем дальше, тем больше ему не нравился. Особенно его задевали попытки Соколова свести все к каким-то обыкновенным, бытовым причинам. Конечно, на стороне следователя были опыт и логика, но Опалин привык полагаться на свое чутье сыщика, и оно говорило ему, что исчезновение Маши никак не связано ни с теткой, ни с желанием покинуть страну.

– Я принесу тебе «Эсмеральду», – пообещал Иван, поднимаясь с места. Соколов посмотрел на его лицо и понял, что Опалин не настроен далее развивать тему об исчезновении своей знакомой.

– Меня вполне устроит и «Казбек», – усмехнулся следователь.

Они обменялись рукопожатием, и Опалин удалился. Оказавшись на улице, он обнаружил, что погода улучшилась, воробьи чирикали уже по-весеннему задорно, в лужах купались и томно курлыкали голуби. Ближайший табачный киоск стоял на углу, но по пути к нему Иван замедлил шаг. Что-то увиденное в папках Соколова просеялось через сито памяти и теперь подспудно царапало его – какая-то мелочь, деталь, странность.

– Что вам, гражданин? – спросил сухонький старичок в очках, продававший папиросы.

– «Казбек» есть?

– Разобрали. – Продавец скользнул взглядом по покупателю в скромном темно-сером полупальто с поднятым воротником. – Есть «Стахановские», если хотите.

Опалин бросил взгляд на белую пачку с красным флагом и покачал головой.

– А подороже что-нибудь?

– Могу предложить «Особенные», – с достоинством ответил старичок. – Но они у нас только в коробках.

В коробке было двадцать пять папирос, а не десять, как в пачке, и стояли «Особенные» почти в два раза больше, чем аналогичный «Казбек».

– Сколько?

– Шесть двадцать пять.

– Давайте.

Забрав папиросы и сдачу, Опалин внезапно принял решение и зашагал обратно. Соколов, уже углубившийся в свои бумаги, посмотрел на него с удивлением.

– Мне нужно еще раз взглянуть на одно дело, – сказал Иван, кладя на стол красную с золотом коробку. – Сентябрь тридцать восьмого, на обложке пятно, причина смерти – удушье.

– Ваня, ко мне в два должен прийти свидетель, – пробурчал Соколов, но все же залез в сейф и через несколько секунд достал требуемые бумаги.

– Свидетель или свидетельница?

– Свидетельница.

– На полчаса опоздает как минимум, – бодро ответил Иван, садясь напротив Соколова и придвигая к себе дело. Следователь усмехнулся.

Опалин прочитал протоколы и стал изучать фотографии. Соколов вертел в пальцах подаренную коробку папирос и хмурился. Он не мог понять выражение лица собеседника.

– Что там? – не выдержал он наконец.

– Сломанные горловые хрящи, – отозвался Опалин, убирая документы в папку. – Типичная травма, когда жертву душат за горло руками.

– И?

– У нее в ухе была серебряная сережка. О второй ничего не говорится, но на фото видно, что второй сережки на месте нет.

– Это должно что-то значить? – осторожно спросил Соколов.

– Понимаешь, – сказал Опалин с расстановкой, – я почему-то вспомнил... Юра недавно говорил об одном деле, там тоже жертву задушили.

– Женщину?

– Нет. Мужчину. Но вот какая странность: кто-то забрал его бумажник.

– Странность? – скептически приподнял брови Соколов, открывая подаренную ему коробку.

– Ты меня не дослушал. Некто, предположительно убийца, взял только бумажник. А деньги оставил.

Следователь на мгновение замер, но быстро овладел собой, достал из коробка очередную спичку и зажег папиросу.

– И много денег было? – осведомился он, откидываясь на спинку кресла.

– Что-то около двадцати рублей с копейками. Бумажник кожаный, обыкновенный, рублей пять ему цена.

– Перенервничал, не соображал, что делает, – холодно ответил Соколов. – Стал искать деньги, увидел – мало, испугался кого-то или чего-то и убежал, в спешке захватив только бумажник.

– Да, но все-таки... Там – бумажник, тут – сережка серебряная, цена ей грош. Ухо не надорвано, то есть аккуратно вытащили...

– Стоп, Ваня. Мы не можем утверждать, что сережку вытащили. Жертва вполне могла сама ее потерять. А убийцу того нашли?

– Нет. Юра всех обегал, но без толку. У убитого были мелкие бытовые конфликты, были люди, которые его, скажем так, не очень жаловали. Но все возможные кандидаты отпадают.

– «Комаровец»? – пробормотал себе под нос Соколов, и его голубые глаза сверкнули сквозь дым.

...В начале 20-х годов извозчик Комаров (на следствии выяснилось, что в действительности он носил другую фамилию) стал фигурантом шумевшего процесса, в ходе которого советское общество впервые узнало о серийных убийствах. Дело имело огромный резонанс, нашедший отражение среди прочего и в одном из очерков Михаила Булгакова⁵. По слухам, после вынесения обвинительного приговора Комарова расстреляли в спину, чтобы иметь возможность изучить его мозг. Тем не менее даже после процесса Комарова серийные убийства долгие годы не рассматривались как отдельная категория преступлений, и для совершающих их не было никаких специальных терминов. Изданное в 1938 году «Расследование дел об убийствах» только осторожно упоминает «раскрытие дел по аналогичным случаям», при этом мешая в одну кучу разбойные убийства и убийства, которые сейчас называются серийными.

– Может быть, и «комаровец», – сказал Опалин в ответ на реплику следователя. Соколов задумался. Папироса тлела в его пальцах.

– Нет, – проговорил он наконец, качая головой. – По одной серебряной сережке... нет, Ваня, слишком смело делать такие выводы. Местности разные, жертвы тоже разные, а то, что они были задушены – так удушение часто встречается. Я понял твою мысль – некто убивает людей и берет себе на память незначительные мелочи, но извини, я в твою версию не верю.

– Может быть, ты и прав. – Иван поднялся с места. – Ладно. Я все равно хотел папиросы тебе занести.

Вторично попрощавшись с Соколовым, Опалин вернулся на Петровку, где погрузился в круговорот неотложных дел. Пришел ответ из Ростова, надо было продолжать допросы уцелевших бандитов, а еще предстояло решить, что делать с Костей Масловым. В промежутке Опалин еще раз взвесил свои соображения относительно пропавшей сережки и пришел к выводу, что Соколов все-таки прав, а сам он чересчур увлекся.

Конвойные привели на допрос Храповицкого.

Главарь банды был мрачен, на щеках его за одну ночь проступила седоватая щетина, взгляд сделался совершенно волчьим. Значит, до Храповицкого уже дошли слухи об убийстве брата, понял Иван. Кончилось показное балагурство и шуточки насчет Тыльнера (которого уголовники упорно величали бароном).

– Поговорим о Ростове? – предложил Опалин.

– Поговорим, – согласился Храповицкий, ослабившись, но сказал другое. – Зря вы это, начальник. Зря. Не надо было брата моего трогать.

– Ишь ты, как интересно получается, – с деланным добродушием в голос вмешался Петрович, который тоже присутствовал и вел протокол. – Вам, значит, все можно, а когда вас вашими же методами... так сразу нельзя. А твоему брату нечего было от конвойного бегать...

– Толя не дурак так подставляться, – ответил Храповицкий сквозь зубы. – Так я и поверю, что конвойный какой-то его грохнул без приказа... Ты, Скорохват, конечно, молодец. Идешь по крови людей... смотри только, не поскользнься!

«А может быть, Костя прав, – подумал Опалин, глядя в сверкающие ненавистью черные глаза бандита. – Убили бы всех при задержании, и дело с концом. Валандаться теперь с этой мразью, допросы, очные ставки... суд... Другие дела стоят, пока я с этим не развяжусь. Каждый раз одно и то же...»

Зазвонил телефон. Опалин назвал себя, выслушал сказанное и повесил трубку.

Вечером Иван докладывал Твердовскому:

– Раненый бандит Капитонов, которого отвезли в больницу, умер от большой потери крови. Что касается убитого Анатолия Храповицкого: я говорил с доктором Бергманом и экспертом. Оба считают более вероятным, что в момент выстрела он не бежал, а шел. Положение тела, траектория пули...

⁵ «Комаровское дело».

– Более вероятным, – перебил Николай Леонтьевич, – но не стопроцентным?

– Да, – кивнул Иван. – Только вот выстрел был произведен в упор. На волосах остались пороховые частицы...

– Горюнов написал об этом в своем заключении?

– На словах он мне об этом сказал, но я не помню, успел ли он все написать, – ответил Опалин после паузы, протягивая Николаю Леонтьевичу бумаги.

– Здесь говорится, что Храповицкий мог бежать, когда в него выстрелил Маслов, – подытожил Твердовский, пробежав глазами строки. Он перевернул лист. – Какой мелкий у доктора почерк... Входное отверстие... выходное... на расстоянии два с половиной сантиметра под левой глазницей... подумать только, какая точность! Ну, тут вообще ничего не сказано про то, кто куда шел или бежал...

Николай Леонтьевич сложил бумаги и серьезно посмотрел на Опалина.

– Честно говоря, Ваня, я рад, что ты не стал пороть горячку и убедил эксперта и доктора не приписывать лишнего, – сказал Твердовский. – Это не значит, что я за обман, и не значит, что я одобряю поступок Маслова. Но к нашим делам мы больше никогда его привлекать не будем.

– Это моя вина, – начал Опалин. – Мне надо было как следует все проверить, прежде чем...

– Ваня, – вздохнул Твердовский, – сколько раз я говорил тебе, всего предусмотреть невозможно, не-воз-мож-но, понимаешь ли! Вспомни хотя бы ненормальную, которая появилась именно тогда, когда вы приготовились брать банду... Все же обошлось в итоге. Тебе винить себя абсолютно не в чем. Ты проделал отличную работу, – говоря, Николай Леонтьевич залез в ящик стола, – и заслуживаешь награды. Держи.

И перед Опалиным лег заполненный на пишущей машинке бланк с печатями. Ошеломленный, Иван не сразу понял, что это ордер на получение однокомнатной квартиры.

– Больше тебе не придется спать на работе, – сказал Николай Леонтьевич. – Дом на Новослободской, не в центре, конечно, но – своя квартира, Ваня! А твою комнату мы отдадим Казачинскому. Он с родителями живет, еще у него брат с семьей и две сестры, и все чуть ли не в подвале ютятся...

– Я очень рад, Николай Леонтьевич, – сказал Опалин искренне. Он имел в виду вовсе не жилищные проблемы Казачинского, а совсем другое. Впрочем, начальник отлично его понял.

– Ты бы, Ваня, не тихарился, а раньше пришел ко мне со своими проблемами, я бы и подумал, как тебе помочь, – сказал Твердовский. – А то молчишь, а потом случайно выясняется – ночуешь на работе... Теперь у тебя все будет хорошо, и... словом, мы ждем от тебя новых раскрытых дел! – то ли шутя, то ли вполне серьезно заключил он.

Глава 8. Грезы

Свободный от вчерашнего и будущего видит сегодняшнее.
К. Малевич, из записей

Пока Опалин совещался с Соколовым, допрашивал Храповицкого, общался с начальством и обсуждал с Казачинским, как скоро сумеет перебраться в новую квартиру и освободить комнату, жизнь Нины текла своим чередом, что немало озадачивало девушку. Отчего-то ей казалось, что после ночного приключения и встречи с Опалиным все будет не так, как раньше. Но уже следующее утро в благословенной квартире номер 51 показало: никаких перемен в жизни не бывает, а те, которые все же случаются, ведут лишь к худшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.